

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК
КОММЕРСАНТ

ЧЕРНОБЫЛЬ ОБИТЕЛЬ ЗЛА

ВИКТОР
ВОЛОДИН

ДЕТЕКТИВ

Виктор Володин

Чернобыль. Обитель зла

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55540817

*Stalker. «Чернобыль. Обитель зла»: Роман. / Володин В.: Современный литератор; Минск; 2007
ISBN 978-985-14-1575-1*

Аннотация

«Stalker» это книга не только о приключениях героя в Чернобыльской зоне отчуждения. Это захватывающий дух боевик, с нереально страшной фактурой. Такого, вы еще не читали, это вам не игра, это жестокая реальность! Жесть!

В зоне разумные законы природы извратились в результате глобальной техногенной катастрофы. Чернобыльская зона наполнена психическими и физическими опасностями, радиацией, паранормальными явлениями, и дикими агрессивными существами-мутантами.

География романа шире зоны чернобыльской катастрофы. Мутанты распространяются подобно вирусу птичьего гриппа H5N1. Это угроза всему человечеству. Монстры мигрировали в цивилизованный мир.

Как остановить эпидемию радиоактивных мутаций? Кто справится с нереальной задачей?

Враг сильнее, хитрее, и опаснее любого известного на Земле существа. Сталкер знает путь, но что его ждет в конце?

Содержание

Пролог	5
Часть первая	15
1. Москва	15
2. Зона	52
3. Москва	76
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Виктор Володин

Stalker. «Чернобыль. Обитель зла»

Пролог

Москва. Майор ФСБ Сергей Гордин. Тварь и Линза

Я не полез в подвал с ходу, хотя в глазах капитана, командовавшего бойцами группы поддержки, явственно читалось испуганное нетерпение. И я прекрасно его понимал. Одно дело, когда про существование некоей Зоны узнаешь из прессы, она находится где-то на Украине и вокруг нее собрано невесть сколько солдат и техники разных стран, и совсем другой коленкор, когда что-то невероятное и опасное бесчинствует посреди Москвы. Тут даже людей военных бросает в оторопь.

Я присел на лавочку перед подъездом, фиксируя краем глаза открытую подвальную дверь. Внутри сидел зверь. Или таились несколько зверей – точно было неизвестно. Тот человек, который мог бы хоть кое-что рассказать об этом, валялся в госпитале без сознания – бедолагу крепко погрызли,

он потерял много крови и, похоже, придет в себя не скоро.

– Товарищ майор... – тихонько напомнил о себе капитан.

Я посмотрел ему в глаза, прохладно усмехнулся, неторопливо вытащил из кармана пачку сигарет. Капитан намек понял и отошел, хотя коситься в мою сторону теперь стал уже чуть ли не с ненавистью. Я не обращал на это внимания, потому что привык к подобному к себе отношению.

Что бы ни случилось, но ни к чему, связанному с Зоной, я не приближусь ни на миллиметр, пока не выкурю сигарету. Это у меня нечто вроде собственного ритуала, не имеющего объективного смысла, но помогающего нащупать рабочую волну, настроиться на нее, подобно радиоприемнику. И только поймав этот непонятный кураж, я начну действовать. Так уж издавна повелось, и отказываться от своего ритуала из-за неприязненного взгляда этого капитана я не собирался. Хотя, конечно, и умышленно играть на нервах капитана тоже не имел ни малейшего желания.

Наконец я швырнул окурок в урну, поднялся со скамейки, натянул на ладони тонкие кожаные перчатки, быстро проверил основное снаряжение. Оружие, рация, некоторое количество грузиков со светящимися метками – необходимая принадлежность для человека, чья деятельность так или иначе касается Зоны. Ну и еще кое-что...

– Ну ладно, я пошел.

– Ни пуха, товарищ майор! – капитан говорил искренне, но с выражением непередаваемого облегчения на одутлова-

том лице. Что ж, служивый, я постараюсь тебя не подвести. Потому что в противном случае лезть вниз придется тебе и твоим людям. Что, к сожалению, чревато похоронками.

Девять ступенек вниз – стандартный лестничный пролет. На то, чтобы его преодолеть, мне понадобились две минуты. Все это время я слушал в оба уха и пытался уловить – не ждет ли меня какой-нибудь сюрприз сразу внизу.

Судя по всему, никакого внезапного супостата в непосредственной близости не ожидалось. Значит, тварь, искалечившая того несчастного жильца, сидит где-то в конце подвала, не собираясь вылезать. Не то, чтобы это было очень хорошо. Перспектива драки в ограниченном пространстве представлялась не самой радужной, тем более, что от некоторых тварей Зоны не спасают даже бронежилеты.

Я ступил с последней ступеньки на пол, чуть крепче сжал рукоять пистолета, опустил на лицо пластиковое забрало шлема и включил боевую систему. Передо мной на гнетущий сумрак наложилась тоненькая вязь зеленых линий, образуя контурный рисунок подвала. Получалось как в очень старой компьютерной игре, где в качестве графики используются такого рода линии. Разумеется это было хорошим подспорьем тусклому освещению от немногочисленных потолочных ламп и свету налобного фонарика.

Как на грех, подъезд был средним. То есть, как ни крути, это означало дополнительную уязвимость. Оставалось надеяться на то, что противник меня ждал все же только один.

Я посмотрел в одну сторону, потом в другую. Ну что же, теперь надо выбирать, откуда начать работу. Слева по грязному бетону тянутся кровавые разводы – этой дорогой, по всей видимости, уносил ноги пострадавший. Вот что с людьми стресс делает. От тебя уже и осталось-то всего ничего, но спастись ты стараешься изо всех силенок.

Справа пол просто грязный. Я включил фонарь поярче и пригляделся. К сожалению, понять, ходил ли здесь кто-то недавно, никак не получалось. Натоптано, впрочем, изрядно, что неудивительно. Хозяйственные помещения, расположенные в подвале, всегда охотно используются жильцами.

Вывод напрашивался сам собой – надо идти слева.

Там виделся четкий след от лапы, но вот опознать ее владельца что-то никак не удавалось. Хотя сама по себе эта кровавая клякса наводила на мысли о крупной рептилии. Или о птице, хотя как раз последнее – маловероятно.

Припомнив, что пресмыкающиеся всегда отличаются повышенной живучестью, я сунул пистолет в кобуру и вытащил из-за спины девятимиллиметровый пистолет-пулемет «кедр» с навинченным на кончик ствола глушителем – специфика моей деятельности не признает лишнего шума.

Рука дернулась было к под сумку с маркерами. Вдруг в коридоре есть что-то интересное. Хотя, откуда ему взяться? Здесь все-таки не Зона, а «чудеса» лишь там появляются по-много сразу.

Я сделал пару шагов по коридору – и тут раздалось гром-

кое рычание, заставившее вздрогнуть не только меня, но и воздух вокруг – оно было очень низким, чуть ли не на грани слышимости. Никогда прежде я такого не слышал. И это было, мягко выражаясь, хреново.

Рычание повторилось, но пока что тварь не предпринимала никаких более активных действий. Это могло означать либо то, что не такая уж она и страшная, либо – что инстинкты требуют от нее вначале предупредить врага о нападении, а уже потом идти в атаку. Причем обе вероятности были равновеликими.

Судя по громкости и насыщенности, источник звука находился буквально рядом – за углом. Я прихватил «кедр» правой рукой поудобнее, а левой потянулся к поясу и аккуратно расстегнул кнопку на кармашке со светобарической гранатой. Черт знает, что там за создание, но слух и зрение у него должны присутствовать. Ну или хотя бы одно из этих двух чувств. Какими чуждыми ни кажутся создания, порожденные Зоной, у них все равно имеются черты, присущие нормальным живым организмам.

Когда тварь зарычала в третий раз, мне показалось, что помимо этого утробного звука я услышал и еще кое-что – скрежет когтей по бетону, как будто тварь сдвинулась с места.

Я сделал глубокий вдох, зажал «кедр» под мышкой, сорвал чеку с гранаты и швырнул ее за угол. А потом зажмурил глаза и закрыл ладонями прорези на каске над ушами.

Тем не менее грохот был таким, что под черепом зазвенело. Вспышку я не видел, но отчетливо представлял, поскольку знаю, как работает наша штатная светобарическая граната. В общем, твари, которая спряталась за углом, достался весь спектр удовольствий.

Вслед за грохотом, как сквозь вату в ушах, донесся пронзительный визг, как от нескольких циркулярных пил сразу. А потом из-за угла выскочило нечто, больше всего напоминавшее крупную обезьяну без шерсти отвратительно серого цвета. Как будто взяли сильно исхудавшую гориллу, обрили, дали ей подохнуть и подгнуть. А после того – оживили и отправили бесчинствовать.

Несмотря на громкое и страшное верещание твари, она не производила впечатления оглушенной. Двигалась бодро, глаза были открыты, и в целом она смахивала скорее на охотника, чем на жертву.

Не хотелось отступать в коридор. Там было тесно и неудобно. В тесных помещениях нарваться на «производительную травму» проще простого. Но, похоже, ничего другого не оставалось. Я сделал два шага назад, вскинул пистолет-пулемет и плавно нажал на спуск. «Кедр» слегка дернулся, плюнул едва заметным дымком из глушителя. Выстрелов, естественно, слышно не было – мало глушителя, так ведь и обезьяна вопила за троих.

На серой шкуре твари появилось несколько черных пятен, из которых плеснуло густой кровью. Обезьяну отбросило на-

зад, она чуть не упала на спину, но все-таки выровнялась, живо сориентировалась, рассмотрела врага – и понеслась в атаку.

Выпуская вторую очередь, я приподнял ствол, чтобы пули попали в голову. Пистолет-автомат снова дернулся, вокруг головы твари разлетелся целый ореол брызг, но скорости она не убавила, целеустремленности не потеряла и к моменту третьего нажатия на гашетку была всего в метре от меня. Отступить я не успевал, сместиться же вправо-влево в тесном коридоре было просто-напросто некуда.

Мне удалось развернуться так, чтобы обезьяноподобная тварь врезалась не прямо в мое несчастное тело, а как бы по касательной. Неизвестно, получился ли бы у меня этот маневр, будь она в полном здравии. Судя по тому, с какими скоростью и напором двигался монстр, ни черта бы не вышло. А так – мне досталось когтями вскользь по бронированному нагруднику, желтые зубы клецнули возле самого забрала, и обезьяна оказалась в коридоре позади меня.

Я выстрелил снова, прошивая бугристую спину новой строчкой пулевых отметин. В обойме кончились патроны, но большего, кажется, и не требовалось. Тварь упала на четвереньки, ее передние лапы подкосились, и она впилилась мордой в пол. Попыталась встать, но теперь и задние лапы, действительно не обезьяньи, а, скорее, напоминавшие задние конечности ящера, потеряли под собой почву – и обезьяна упала ничком. Судя по тому, как начало дергаться ее

отвратительное тело, это была агония.

Пользуясь моментом, я перезарядил оружие. Тварь, корчась на полу, издавала всхлипывающие звуки, от которых меня замутило. Проглотив кислую слюну, я вызвал по радиации капитана.

– Я подстрелил что-то вроде очень большой обезьяны. Это то, что погрызло потерпевшего?

– Да черт его знает! – отозвался тот. – Наверное то.

– Наверное – это не ответ!

– А что я еще могу ответить? Он не рассказал ничего толкового. Сказал, что какая-то скотина на него набросилась и порвала в клочья. Потом потерял сознание.

– Это я слышал... Значит, теоретически – здесь внизу только одна скотина. Это хорошо... Ладно, капитан, отправь несколько человек налево от входа. Тут есть мясо на вынос. А я еще немного осмотрюсь. Вдруг еще кто-нибудь в подвале околачивается.

– Есть, товарищ майор! – ответил капитан.

Я постоял возле обезьяны, пока ко мне не подошли четверо бойцов. К тому времени она уже не двигалась. Я приказал смотреть в оба, и пошел по подвалу.

Больше там никого не было. И если бы осмотр проводил человек, не знакомый, так сказать, со спецификой данной работы, то он бы сказал, что кроме застреленной гадины нет вообще ничего. Но на самом деле это было не совсем так. Когда я уже заканчивал осмотр, луч фонарика блеснул на

чем-то ярком, притулившемся в уголке у стены. Работая с порождениями Зоны, начинаешь обращать внимание на любую мелочь – даже самую незначительную.

На всякий случай я все-таки бросил один маркер в сторону этого блеска. Осторожность редко идет во вред, особенно в моем деле. Кусочек металла прочертил короткую ровную дугу, ударился о стенку и упал рядом с непонятым предметом.

Я подошел поближе. Больше всего источник непонятого блеска напоминал большой осколок черного камня с металлическим отливом. Формой он походил на одностороннюю выпуклую линзу. Присев на корточки, я изучил камень. Похоже, он просто лежал здесь и не таил в себе никаких смертоносных сюрпризов.

Решив устроить последнюю проверку, я взял стоящую у стены двухметровую рейку и осторожно ткнул ею в камень. Ничего не произошло. Решив, что проверок достаточно, я рискнул поднять камень.

Он был очень холодным. Настолько, что я чувствовал холод даже через перчатки. По массе никаких аномалий не наблюдалось – как мне представлялось, именно столько и должен весить кусок не то вулканического стекла, не то какого-то поделочного камня толщиной три сантиметра и диаметром сантиметров пятнадцать.

Положив камень в полиэтиленовый пакет на застежке, я поднялся вверх. Солнце ударило по глазам, я сощурился.

Затем поднял забрало шлема и глубоко вздохнул. Сегодня поле сражения с Зоной осталось за мной, майором Гординым. Надеюсь, что не в последний раз... Впрочем, пафос неуместен. То, что было сегодня, – даже не рутина, а просто мимолетный эпизод, некое подобие назойливой мухи, от которой нельзя не отмахнуться. Просто и даже скучно. Так всегда и начинаются большие неприятности...

Часть первая

1. Москва

Майор ФСБ Сергей Гордин. Самое начало

Я всегда приезжаю на работу без пятнадцати восемь. За исключением тех дней, когда происходило что-то экстраординарное, из-за чего весь привычный график накрывается медным тазом. Последний раз такое случилось три недели назад. И до сих пор, стоит мне задуматься об аврале тех дней, к горлу подступает тошнота. Нет, я никогда не отличался слабым желудком, но любой, даже самой железной выдержке непременно есть пределы.

Охранник встретил меня дежурным подозрительным взглядом. Смешной человек – мы знакомы с того самого момента, как Особая Группа занимает это маленькое здание на окраине Москвы. И в нерабочее время можем активно потрепаться на разные темы. Кроме, пожалуй, рыбалки и футбола – эти два традиционных мужских увлечения полностью меня миновали. Но стоит Олегу заступить на пост – и все: перед тобой неприступная скала. Наверное, если промедлить с

процедурой идентификации, он запросто может попытаться всадить мне пулю между глаз. Только попытаться – он хоть и чертовски неплохой стрелок, но со мной парню тягаться будет непросто. Скажем так: у нас очень разные слои существования. И на моем уровне его навыки – только планка крепкого середняка.

Так или иначе, но устраивать ганфайт с охранником не входило в мои утренние планы. И я достал пластиковую карточку пропуска. Устройство чтения, вдумчиво потрещав чем-то в своих электронных недрах, зажгло для меня зеленую лампочку. Но это – только первый уровень контроля. Теперь надо еще сверить отпечатки пальцев, сетчатки глаза, и наконец – надеть на голову странное устройство, больше всего напоминающее бракованные наушники, динамики которых прилепляются на виски. На самом деле это – какая-то хитрая штукенция для считывания мозговой активности. И по совместительству – самая важная часть идентификации сотрудника Особой Группы. Только она пока считается непреодолимой для потенциального противника.

Экран контрольного устройства высветил несколько причудливых кривых, а потом над дверью зажглась зеленая лампочка. Ну вот, теперь я могу пройти в святая святых – штабквартиру Особой Группы. Хотя, конечно, здесь не только штаб. Тут располагаются и научная лаборатория, и тренировочные залы, и аналитический отдел. В здании тесновато, но большего нам никто не выделит. Потому что при всей своей

важности Особая Группа находится на очень странном положении.

Все дело в том, что фактически ОГ создавалась по собственной инициативе директора ФСБ, без согласования с вышестоящими инстанциями. На тот момент это была вынужденная мера – Зона еще только начала проявлять себя на расстоянии, и отчеты о происшествиях, связанных с ее активностью, больше всего напоминали сообщения бульварной прессы, сочиняющей истории об аномальных явлениях. Полагать, что запрос на создание в ФСБ структурного подразделения, занимающегося расследованием подобной чепухи, будет воспринят всерьез, было, по меньшей мере, наивно. И потому на первых порах Особая Группа работала вообще неофициально. Потом ее все-таки провели по документам, но область задач определили настолько туманно, что никто посторонний так и не сможет понять, что мы такое.

В принципе я знаю, почему было так сделано. Мы по долгу работы сталкивались не просто с аномальными явлениями, а с проявлением некоей чуждой и злой воли, пусть даже не персонифицированной, не имеющей конкретного мозга, корректирующего поступки. Зона напоминала гигантскую раковую опухоль. И то, что явления и объекты Зоны стали появляться где-то вдалеке от нее, означало, что эта опухоль начала пускать метастазы. ОГ была чем-то вроде ножа хирурга, препятствующего распространению болезни. А попробуйте-ка найдите хирурга, которому нравится, когда на

него в ходе операции глазуют посторонние люди, кто бы они ни были по их общественному положению. Тем более, если эти люди не просто глазуют, а то и дело пытаются вмешаться в работу и очень часто действительно вмешиваются.

Я поднялся на второй этаж и направился по коридору к своему кабинету. И тут на меня буквально налетела белокурая Жанночка – помощница шефа. Эта дама ангельской внешности могла бы служить наглядной иллюстрацией к любому анекдоту про блондинок. Хотя на самом деле шеф ни за что не стал бы держать вблизи от себя человека, у которого интеллект ищи не доищешься. Жанна, например, была человеком с острым аналитическим умом, а при необходимости без труда могла работать «в поле». И оперативник из нее получался прекрасный – я убедился в этом лично, поработав с ней над парой заданий.

– Сергей, как я рада тебя видеть! – воскликнула она. – Тебя Степан Иванович ждет не дождется.

– О как. И прямо с утра пораньше?

– Ну, как видишь. Ты, конечно, можешь вначале бросить вещи в кабинет, но уж потом бери ноги в руки.

То, что от меня не требовалось опрометью бежать на ковер, еще ничего не означало. За этим могла скрываться как мелочь, так и очень серьезная неприятность.

– А что ему надо, не знаешь? – спросил я.

Жанна улыбнулась.

– Успокойся, не на выволочку зовет. А вот зачем конкрет-

но – не знаю. Мне он ничего конкретного не говорил.

– Понятно. Ну передай ему, что я сейчас приду.

Жанна улыбнулась, махнула мне рукой и упорхнула по лестнице на третий этаж. Начальство у нас, как ему и полагается, обитает в горних высях.

Я сунул ключ в замок кабинета, толкнул дверь, зашел. Там было душновато, пришлось открыть форточку. Включил компьютер, налил воды из пяти литровой пластиковой канистры в чайник. В общем, приготовился к нормальному старту рабочего дня. Теперь можно было и к руководству сходить.

Степан Иванович Зарембо родом был из цыган, что весьма нетипично для руководящего работника в ФСБ. Здоровенный, смуглый, с висячими длинными усами и пронзительно-черными глазами, он был чертовски колоритен, когда надевал мундир. Лично мне Зарембо напоминал колумбийского военачальника, который, того и гляди, устроит государственный переворот и отдаст власть в стране военной хунте. Первое время нашей совместной работы мне эти ассоциации настолько досаждали, что я просто не мог удержаться от улыбки. Зарембо некоторое время хмурился, а потом спросил прямо в лоб: какого хрена я над ним зубы скалю? Я честно рассказал. Степан Иванович расхохотался, а потом признался мне, что мундиры ему никогда не нравились, и констатировал: пожалуй, надо сократить время их ношения до минимума. Так он и сделал, перейдя на строгие серые ко-

стюмы.

Биография у Зарембо, надо сказать, была довольно-таки примечательной. Родился он в цыганском таборе, там же прожил до семи лет. Табор был самым обыкновенным. Мужчины жили случайными заработками, женщины и дети попрошайничали и приторговывали скверными наркотиками из Средней Азии. На этом и погорели, в результате чего табор загремел за решетку фактически в полном составе. Зарембо, однако, попал в детский дом, и это кардинально изменило его дальнейшую судьбу. Маленький шустрый цыганенок, как оказалось, имел характер настоящего звереныша. Это помогло ему защититься от сверстников и даже старших по возрасту ребят. А еще – у него был полный порядок с мозгами. К четвертому классу цыганенок стал чуть ли не лучшим учеником в детдоме. Вместе с тем он остался зверенышем, который мог, при необходимости, грызть своих противников зубами. Именно поэтому решили от него избавиться. Степу Зарембо отправили в суворовское училище. Там он показал себя исключительно с лучшей стороны. Шли годы, и Зарембо понимал все яснее, что нашел свое призвание. Не обязательно это должна быть армия, но в любом случае – служба. Служба той стране, которую он неожиданно обрел как родину.

После училища ему открыла двери Академия МВД. Зарембо закончил ее в восемьдесят пятом году и получил направление на работу в КГБ. Дальше было много всего, о чем

можно рассказывать бесконечно. Но в конце концов сорокадвухлетний полковник Зарембо получил внеочередные генеральские погоны и предложение возглавить Осо-бую Группу.

Я постучался в дверь кабинета и, не дожидаясь ответа, переступил порог. Зарембо поднялся из-за стола, выходя мне навстречу.

– Привет, Серега! – сказал он.

– Привет! – ответил я.

Здесь, в Особой Группе, народ привык обходиться без лишнего подчеркивания своего служебного положения. Нас было слишком мало для этого.

– Присядь. Я тебя позвал, чтобы обмозговать одно интересное дельце. Мне его вчера вечером подкинули в разработку. Я долго пытался понять, а с чего бы вдруг. Потому что с виду – ну никак не наш профиль. Верить или нет, полночи над ним просидел, банку кофе выдул. До сих пор руки трясутся.

– Что за дело такое? – удивился я.

– Интересное, я же говорю. На, ознакомься! – Зарембо протянул мне тонкую папку. – Тут пока что самое общее. Наверху сказали, что если дело все-таки по нашей части, то они отправят нам все остальное.

– Маразм какой-то, – ответил я, непроизвольно кривя губы. – Ведь именно детали обычно и помогают разобраться, что и как.

– Я это понимаю, ты понимаешь. А те, кто дело прислали, – не особенно. Но давай-ка ты пока почитай вот эти бумажки и скажи мне, что ты о них думаешь. Я запрошу у них дополнительные материалы, если ты решишь, что это не помешает. У тебя опыт работы «в поле» большой, так что принохайся, ладно?

– Да ладно, как скажешь!

– Ну, значит, иди и работай.

Я забрал папку, вернулся в свой кабинет, включил чайник и засыпал в большую фарфоровую чашку три чайные ложечки заварки. Люблю крепкий чай и ничего не могу с собой поделать. Те, кому доводилось у меня чаевничать, жаловались – чифирь, дескать, варю. Что я могу на это сказать? Только то, что не пробовали они чифиря...

Я открыл папку и взялся за документы.

ТОНКАЯ ПАПКА

*Начальнику Особой Группы при Главном Управлении ФСБ
Российской Федерации Зарембо Степану Ивановичу*

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА.

21 июня 20... года в Западный РОВД г. Москвы обратилась гражданка Кижеватова с жалобой на свою дочь Елену, поведение которой в последнее время сильно изменилось. Девочка стала замкнутой, раздражительной, она прекратила общаться со сверстниками и домочадцами. Любые попыт-

ки родителей наладить общение натыкались на активное сопротивление Елены.

Ранее, по словам матери, девочка была лояльной по отношению к семье и друзьям, имела обширный круг общения и увлечений. По словам гражданки Кижеватовой, она не отмечала участия Елены в неформальных объединениях эзотерического характера, деструктивных религиозных организациях, а также прочих подобных группах.

Основной причиной, повлекшей обращение гражданки Кижеватовой в РОВД, послужило то, что Елена, по ее словам, стала регулярно причинять материальный ущерб семье. В частности, девочка нанесла порчу бытовой технике (опись прилагается). Мать, заставшая девочку за развинчиванием телевизора, попыталась остановить Елену. В ответ девочка издала громкий крик, от которого гражданка Кижеватова потеряла сознание. Дальнейшее медицинское освидетельствование пострадавшей выявило ряд травм – повреждение барабанных перепонок, точечные кровоизлияния в мышцы лица, разрыв сосудов носовой полости.

19 июня 20... года, вернувшись с работы, гражданка Кижеватова обнаружила пропажу дочери и ряда ее личных вещей. Опросив сверстников, мать узнала, что дочь видели направляющейся в сторону близлежащего паркового массива.

В результате поисков девочку нашли в парке, где она сидела на дереве. На просьбы матери и ее спутников слезть девочка не отреагировала. Была вызвана бригада МЧС, что-

бы снять девочку с дерева. Когда спасатели прибыли, Елена полезла выше.

При снятии девочки с дерева рядовой Семенов упал с лестницы, получив телесные повреждения. Тем не менее, девочку с дерева сняли.

Когда Елену доставили домой, она впала в состояние шока. С целью диагностики девочка направлена на обследование в психиатрическую клинику № 4.

Начальник Октябрьского РОВД г. Москвы полковник Селезнев В. И.

РАПОРТ.

19 июня 20... года я заступил на дежурство в 14–00. Мой наряд выезжал на два мелких пожара, но к последующим событиям 19 числа эти пожары отношения не имеют.

Примерно в 20–35 того же дня поступил вызов в парк на улицу Макарова, где девочка залезла на дерево, и ее надо было оттуда спустить.

На вызов отправили автолестницу и отделение в составе рядовых Корягина, Алексева, Грищенко, Рябоконя, Семенова и Деревяго под моим командованием.

Мы прибыли в парк, где нашли небольшую толпу возле дерева, на котором сидела девочка. Она залезла довольно высоко – метров на десять. Мы развернули лестницу и стали

готовиться снимать девочку. В это время люди, которые собрались внизу, продолжали уговаривать ее слезть.

В моем отделении самый лучший верхолаз – рядовой Семенов. Его-то я и отправил на лестницу. Когда Семенов был метрах в пяти от земли, девочка очень громко закричала. Я никогда не слышал, чтобы так кричали. Было похоже на то, как шумят машины в «Формуле-1», только намного громче. У нас у всех просто уши заложило. Но хуже всего пришлось Семенову. Мне показалось, что его этим криком попросту сшибло с лестницы. К счастью, нас на тренировках учат группироваться при падении. Семенов упал грамотно, но высота была уже изрядной, так что без травмы – вывиха голеностопного сустава – не обошлось.

Потом девочка как-то резко притихла. Как будто силы потеряла. Я пристегнулся страховочным поясом к лестнице и продолжил выполнение задания. Думал, что девочка опять что-то выкинет, но она только отмахивалась руками и ногами.

Когда девочка оказалась на земле, она как будто взбесилась. Мне лицо расцарапала, мать пнула в живот, а потом набросилась на рядового Деревяго. Рядовой девочку поймал и держал, пока врачи ей не сделали успокаивающий укол.

В итоге девочку увезли на «скорой». Сказали, что в психиатрическую больницу. А мы повезли рядового Семенова в травмопункт.

Сержант Яковлев, МЧС Москвы.

Ознакомившись с запиской и рапортом, я недоуменно пожал плечами – с какой стати эти документы направили нам в Особую Группу? Обыкновенный подростковый психоз. Девочка то ли начиталась чего-то неправильного, то ли все-таки попала под влияние неправильных людей. То, что мать, якобы, не замечала ничего такого – не довод. Когда дети хотят что-то спрятать, то прячут так, что с ищейками не найдешь.

Аномальным, по большому счету, выглядел только этот самый громкий крик девочки. Это же как надо глотку рвать, чтобы боец с лестницы сверзился? Но нужно отдать девушкам должное – вопить многие из них могут так, что уши закладывает. И если она заверещала неожиданно, то мог ли несчастный спасатель хлопнуться с лестницы? Как по мне, так запросто...

Теперь медицинское освидетельствование гражданки Кижеватовой. Да, имели место разрыв барабанных перепонок, сильное носовое кровотечение и общий шок. Но опять-таки списать все это можно хотя бы на то, что у девочки аномально мощные голосовые связки. Помнится, я читал когда-то в газете, что одну японку внесли в Книгу рекордов Гиннеса за то, что она перекричала самолет на старте. Может, и здесь получилось то же самое?

В общем, ничего такого, что говорило бы о вмешательстве

в данное дело Зоны, я не нашел. Так что, пожалуй, следует спокойно вернуть всю эту писанину в РОВД и предложить им там поработать самостоятельно, а не сваливать свою работу на другие организации.

Подумав еще немного, я все же решил посоветоваться с Зарембо. Это верно, что опыта оперативной работы у меня больше, но он порой умудряется почувствовать то, что проходит мимо моего внимания. То ли этому его нелегкая жизнь научила, то ли сказывалась цыганская кровь, но, так или иначе, интуиция у шефа – дай боже!

Я позвонил, выяснил, что шеф не занят, и поднялся к нему. Зарембо, взяв у меня из рук папку, спросил:

– Как думаешь, это туфта или нет?

– Я ничего такого не увидел, чтобы принимать дело на разработку в Группу. А вы как считаете?

Зарембо поскреб пальцем бровь.

– По правде говоря, я тоже думаю, что это не по нашей части. Мы ведь не пункт психологической помощи, не так ли? С другой стороны, пока ты работал у себя, я сделал пару звонков. Это не единичный случай внезапного психоза. В смысле психоза по похожему сценарию. Есть еще два подобных происшествя. Одно – с девчонкой из Бирюлево. Второе – в Люберцах.

– Что, тоже кричали на ментов и ломали дома технику?

– Ага. Технику ломали. С ментами, правда, ничего похожего не было, насколько я знаю.

– И как решились проблемы?

Зарембо невесело покачал головой.

– Та, что из Бирюлево, по жизни была из так называемых трудных подростков. С родителями находилась в состоянии войны на уничтожение. Там вообще семейка отшибленная на всю голову. И когда у девчонки снесло планку, на это никто и внимания не обратил толком. Единственное, на той стадии, когда надо убежать из дому, ее заперли в комнате. Девочка попыталась дотянуться из окна до водосточной трубы – видать, решила по ней спуститься. Но сорвалась, упала с восьмого этажа и разбилась насмерть.

Я поморщился. История подобного рода – один из самых надежных способов испоганить мне настроение всерьез и надолго.

– А во втором случае?

– Примерная семья. Нормальная девчонка, художница и все такое. Она пропала без вести. Сейчас находится в розыске, и что-то мне подсказывает, что этот розыск ничего не даст.

Я задумчиво потер лоб. Один случай психоза – это, действительно, полная ерунда. Три – явная аномалия. Правда, не обязательно завязанная на Зону. С другой стороны, в нашем стабильном высокотехнологичном мире только Зона и способна устроить что-то необъяснимое.

Я постучал пальцами по столу.

– Значит, предлагаете мне проверить?

Зарембо кивнул.

– Здесь работы, по большому счету, на день. Максимум на два. Навести родственников этих девчонок и пообщайся с ними. Может, это наведет тебя на какие-то мысли. А если не наведет, мы уже с чистой совестью сможем от этих психозов откреститься... – он помолчал немного, потом спросил, пристально глядя мне в глаза:

– Сережа, а вот скажи: насколько, по-твоему, ты понял Зону?

Ответить на этот вопрос с ходу я, конечно, не мог. Он был слишком простым, чтобы ляпнуть первое, что взбредет на ум. Зарембо не торопил – просто смотрел на меня исподлобья и ждал, шевеля усами.

Наконец я решил, что ответ готов.

– Знаете, Степан Иванович, я уже добрых лет семь с ней в контакте. На Украине, в Москве... в других городах. Все это время Зона была и есть рядом. Я чувствую ее. В основном я представляю себе, чего можно ждать от нее в той или иной ситуации. Но сказать, что я понял Зону – это было бы преувеличением. Между нами, Степан Иванович: иногда я не могу избавиться от мысли о том, что Зона – это что-то вроде ребуса. Только пока неясно, каковы принципы зашифровки и что нам откроется, когда мы этот ребус прочтем.

Зарембо понимающе кивнул.

– Ладно, Сережа, приглядись повнимательнее к этим делам. Ведь у тебя, вроде, пока нет ничего более серьезного,

чем следовало бы заняться в первую очередь, не так ли?

Я кивнул.

– Хорошо. Тебе нужны еще какие-то уточнения относительно происшествия с Кижеватовой?

– Конечно, – ответил я. – Но в этом лучше разобраться на месте. Как думаете, мать девочки не станет возражать, если я нанесу ей визит? Хотелось бы глянуть на личные вещи Елены.

Зарембо усмехнулся.

– Ну, я думаю, если помашешь у нее перед глазами своим удостоверением, проблем не будет. Или «Особая Группа ФСБ» – это, по-твоему, недостаточно серьезно звучит?

– Может, чересчур серьезно? – покачал я головой. – Мама может возомнить неизвестно что. У дочери всего-то подростковый психоз, а тут появляюсь я и с такими внушительными бумагами, что хоть под кровать прячься. Народ у нас нынче подкованный, насмотревшийся телесериалов вроде тех же «Секретных материалов».

– Может, и возомнит. А может, и нет. Но начини она возникать на сей счет – кто же ей поверит? Короче, Сережа, не волнуйся. Твое удостоверение придется к месту и ко времени.

– Тогда, наверное, я прямо сейчас поеду, Степан Иванович?

– Работай, майор! – ответил Зарембо.

Гражданка Кижеватова

Так уж сложилось, что мне не часто приходится работать с разного рода потерпевшими. Обычно у нас этим есть кому заняться помимо меня. Но теперь я вынужден был настроиться на предстоящую беседу по душам. И, честно говоря, я серьезно опасался за свои способности прикладного психолога.

Я набрал телефонный номер Кижеватовых.

– Алло, – донесся из трубки усталый женский голос.

– Я могу услышать Марию Евгеньевну?

– Это я, – ответила женщина.

– Добрый день. Я Сергей Гордин, майор Федеральной Службы Безопасности. Мне надо было бы с вами поговорить относительно Елены.

– ФСБ? – удивилась женщина. – А при чем здесь вы? Хотя, наверное, вам виднее, с кем и о чем разговаривать. Я сегодня целый день дома, так что приезжайте, когда захотите. Или мне к вам приехать?

– Нет-нет, не утруждайте себя. Я конечно же приеду. Этого вам только не хватало – тащиться через всю Москву. Значит, я могу приехать сейчас?

– Приезжайте, – согласилась Мария Евгеньевна.

В качестве служебного автомобиля мне полагался «УАЗ-Патриот». Меня немного забавляло это пижонство. Усажи-

ваясь в джип, я каждый раз чувствовал себя героем телесериала. С другой стороны, нельзя не признать, что эта машина весьма функциональна и удобна.

Помнится, мне на первых порах не понравился цвет машины – не то малиновый, не то вишневый. Мне показалось, что это слишком броско. Я даже попросил разрешения перекрасить машину за свои деньги. Но оказалось, что бумагомарательства требуется столько, что я предпочел закрыть глаза на цветовое несоответствие. А позже просто-напросто к нему привык.

Через полтора часа я вошел в подъезд невзрачного девятиэтажного дома старой постройки. Квартира Кижеватовых располагалась на пятом этаже, так что я решил подняться не на лифте, а пешком. Оказалось, что подъезд дома непривычно ухожен. Видимо, здесь жило ненормально большое количество нормальных людей, которые мало того, что не поленились расставить кресла на площадках между этажами и разместить цветы на подоконниках, так еще и сумели уследить за всем этим, не дать вандалам всех возрастов учинить разруху.

Кижеватова ждала меня у двери. Она оказалась старше, чем можно было счесть по голосу. Видимо Елена у нее была поздней дочерью. Во взгляде этой небольшой полнова-той женщины читались недоумение и даже легкая опаска. Не каждый день к тебе домой наведываются работники ФСБ.

Она провела меня в гостиную, усадила в кресло и спроси-

ла, еще не успев сесть:

– Почему делом Лены заинтересовалась ФСБ?

Говорить правду было нельзя. Я решил прибегнуть к наиболее удобному вранью – рассказать лишь о том, что фактически известно на текущий момент. А известно то, что ни к чему толком не приделаешь. Для того чтобы собрать больше информации, надо целеустремленно работать в этом направлении. То есть для среднего человека возможность доискаться до истины исчезающе мала. А в отсутствие такой возможности факты начинают обрастать домыслами и версиями и в конечном итоге напрочь затягиваются сопутствующим мусором.

– Дело в том, что происшествие с вашей дочерью – не единственное. За последнее время в Москве отмечено еще два случая неадекватного поведения молодых девушек, развивавшегося по сходному сценарию.

– Неадекватного поведения? – переспросила она.

Я развел руками.

– Мне не хотелось бы употреблять слов, которые могут вас обидеть. Мы у себя это называем неврозом. Наши работники исследуют эту проблему и пришли к единому мнению, согласно которому в психических проблемах девушек виновен некий конкретный человек.

– Что значит – человек? – удивилась женщина.

– То и значит, Мария Евгеньевна, что мы серьезно подозреваем, что и ваша дочь, и две прочих жертвы невроза име-

ли контакт с человеком, который оказал существенное негативное влияние на их психику. И у моего отдела есть подозрение, что на самом деле жертв может быть куда больше. Просто по той или иной причине они не попали в наше поле зрения. То есть нужно либо ждать новых уходов из дома, ссор и срывов, либо пытаться понять, каким образом предотвратить эти несчастья.

Кижеватова удивленно вскинула брови и попыталась возразить:

– Но Лена никогда не общалась ни с кем таким, кто мог бы это сделать. Я знаю всех ее друзей... Хотя, если подумать, то есть один... молодой человек. Я никогда не одобряла ее общения с ним.

Я прервал начавшееся изливание родительских забот:

– Вообще-то, вы могли и не знать о таком человеке. Поверьте, это случается, дети довольно часто скрывают от родителей какие-то факты своей жизни.

– Но почему Лена должна была от меня что-то скрывать? У нас никогда не было плохих отношений!

– Дело не в плохих отношениях, Мария Евгеньевна. Просто ваша дочь вступила как раз в такой возраст, когда иметь тайны от родителей – своего рода признак хорошего тона. Необязательно это что-то предосудительное и тем более хранящее угрозу. Иногда это просто дневник, который спрятан где-нибудь под матрасом.

Глаза Марии Евгеньевны азартно блеснули, и я от всей

души пожелал, чтобы никакого дневника у девушки не оказалось. А то получится, что я ее хоть и косвенно, но все-таки сдал. Нехорошо, честное слово.

– Скажите, я могу посмотреть комнату вашей дочери? – спросил я. – Вдруг найдется что-то такое, что наведет на правильную мысль. А заодно и вашей дочери поможет.

– Каким образом? – удивилась Мария Евгеньевна, – Леночка лежит в отделении для буйных, и врачи понятия не имеют, когда произойдут хоть какие-то изменения в лучшую сторону. Ее пичкают транквилизаторами в лошадиных дозах, и даже это не слишком-то помогает. Стоит ей хоть немного отойти – бросается на людей, кричит так, что вся больница ходуном ходит... Я ее навещаю, а она даже меня не узнает и готова и мне вцепиться в волосы. Я была в больнице позавчера, так Леночку привели ко мне в смирительной рубашке. У меня просто сердце кровью облилось, когда я увидела свою дочь такой!

Я терпеливо объяснил:

– Поймите, если на самом деле кто-то оказывал психологическое воздействие на вашу дочь, могут быть какие-то следы этого. Книжки, записки какие-то. Возможно, аудиозаписи. Если они действительно есть, по ним мы сможем выйти на злоумышленника. А вот если выйдем на него и сможем взять его в оборот – будут какие-то зацепки для докторов, занимающихся лечением Лены. И вообще, Мария Евгеньевна, я очень хочу вас попросить о помощи. Хотя бы потому, что

один из тех двух случаев невроза, которые произошли с другими девушками, закончился трагедией. Девушка упала из окна и разбилась насмерть.

Мария Евгеньевна побледнела. Наверное представила себе, что и она могла бы ходить не в больницу, к безумной, но все-таки живой девушке, а на кладбище. После недолгой паузы она кивнула:

– Ладно, пойдёмте. Я покажу вам все, что хотите.

– Вы не беспокойтесь, – сказал я. – Я буду очень осторожен.

Мария Евгеньевна вяло отмахнулась. Дескать, пустое все это. И раз речь зашла про обыск – так и ни к чему рассыпаться в извинениях. Она встала со стула и жестом пригласила меня следовать за ней.

Комната Лены была, откровенно говоря, странной. Нет, в принципе, я уже давно разучился удивляться тому, чем развлекается и дышит нынешняя молодежь, но тут вспомнил прежние навыки.

Судя по всему, стены комнаты раньше были оклеены обоями, но потом их ободрали, причем как попало – тут и там виднелись ошметки бумаги. Поверх этого безобразия комнату покрасили в сумасшедшее сочетание серого, зеленого, синего и черного цветов. Получилось что-то среднее между творением безнадежно сбрендившего авангардиста и камуфляжем армии инопланетного вторжения. Найти в этих безумных узорах хоть какую-то систему не представлялось

возможным. Не факт, что она там вообще была.

С потолка на том, что некогда было проводами от люстры, свисала гирлянда, сделанная из пучков сухой травы, разноцветных бумажек, бечевки и множества разных мелочей вроде бижутерии, пластмассовых елочных игрушек, компакт-дисков и даже столовых приборов. Она доставала почти до самого пола. И хотя, вроде бы, сквозняков в комнате не было, гирлянда шевелилась. Будто бы жила своей, загадочной жизнью.

Помимо этого жутковатого украшения, в комнате были стол, шкаф и кровать. Все это тоже было раскрашено в том же стиле, что и стены. Возле открытых дверей шкафа валялась грудa одежды.

– Это она перед тем, как уйти, вывалила, – объяснила Мария Евгеньевна. – Забрала кое-что по мелочи, но остальное все здесь лежит. Даже ее любимые вещи.

Я осторожно поворошил эту груду. Ничего, кроме тряпок. Пожалуй, это единственное из того, что находится в комнате, поддается хоть какому-то объяснению. Девочка, повредившись на непонятной почве умом, вывалила свою одежду, похватила что-то – и свалила.

Вслед за шкафом я обратил внимание на стол.

– Здесь был компьютер? – спросил я.

– Да! Мы с отцом Лены в разводе, но он про дочку не забывает. На Новый год подарил ей новенький компьютер. Я в этом ничего не понимаю, но говорили, что очень хороший,

мощный. Леночка так радовалась. А потом, когда эта напасть на нее навалилась – она весь его чуть ли не по кускам разобрала и по полу раскидала. Я в коробку все сложила и у себя поставила.

– Хорошо, – кивнул я. – Потом надо будет и на него посмотреть.

В ящиках стола не обнаружилось ничего примечательного. Все те же травы, какие-то разноцветные камешки, большое птичье яйцо голубого цвета... Помешательство Лены, имело отчетливо «зеленый» уклон. Какая-то аномальная тяга к природе. Очень сильная.

Оставалась только кровать. Чувствуя себя извращенцем, я все-таки запустил руку под матрас. Мария Евгеньевна стояла рядом, напряженно следя за моими манипуляциями. Наверное я здорово зацепил ее фразой о некоем тайном дневнике.

Разумеется, ничего подобного не нашлось. Да и вообще ничего не нашлось. В наше время люди не имеют привычки хранить что-то под матрасом, как, например, моя покойная бабушка. Она считала, что лучшего места для хранения чистых носков и носовых платков – просто не найти. И никогда не клала их в шкаф.

Я выпрямился и задумчиво посмотрел по сторонам. Было такое неприятное чувство, что здесь вообще ловить нечего. С одной стороны, жалко.

С другой – напротив, очень даже неплохо. Одной проблемой меньше у нашей маленькой, но гордой конторы.

Мария Евгеньевна посмотрела на меня одновременно с сочувствием и торжеством. Дескать, понимаю, что служебное рвение, не достигшее цели – это паршиво, но ничего не могу с собой поделаться и радуюсь, что никаких улик не найдено.

– Теперь, если можно, покажите мне то, что осталось от компьютера, – попросил я.

Кижеватова принесла коробку. Заглянув внутрь, я увидел то, что внушило мне уважение к деструктивным способностям девочки. Передо мной лежало все «железо» по отдельности. Елена даже отковыряла процессор от материнской платы. Отодвинув хлам в сторону, я обнаружил на дне коробки винчестер. Мне показалось, что на нем нет никаких повреждений.

– Мария Евгеньевна, если не возражаете, я возьму винчестер. Надо бы посмотреть информацию на нем.

– Да, конечно! – легко согласилась Кижеватова. – Если это даст хоть какую-то надежду на помощь Лене – забирайте!

Я положил винчестер в портфель и сказал:

– Мне надо навестить сегодня и остальные две семьи. Может, там мне повезет с поисками больше. Вот мой телефон. Если что-то вспомните – непременно позвоните. А я позволю вам, когда проверю, что было на винчестере.

– Да, конечно! – заверила женщина, беря у меня визитную карточку. С некоторым удивлением она посмотрела на нее. Наверное, ожидала увидеть несколько побольше информа-

ции, чем было. У работников Особой Группы на карточках – только имя и телефоны. Если что – никаких зацепок для излишнего любопытства.

В машину я сел с острым чувством сожаления о напрасно потерянном времени. Мне все больше казалось, что в этом деле нет и быть не может никакого следа Зоны.

И всякую память стереть...

Еще по ходу предварительного телефонного разговора с отцом погибшей Ларисы Уваровой я понял, что Зарембо явно недооценивал степень неприязни к девушке в этом семействе. Лично у меня сложилось такое чувство, что дочь там воспринималась как нечто чужеродное и постыдное.

Тем не менее, встретиться со мной отец согласился. Скорее всего, в данном случае сыграла роль моя служба в ФСБ. И старые стереотипы, согласно которым от разговора с работниками службы госбезопасности лучше не отказываться.

На пороге квартиры меня встретил невысокий щуплый человек, с изрядной лысиной, но, тем не менее, носивший на затылке жиденский хвостик волос. Дурацкая прическа, если честно. А этот персонаж еще и усы отрастил – щеточку под носом, в стиле мафиози тридцатых годов прошлого века. Я едва сдержался от неприличной усмешки.

– Кирилл, – представился мужчина.

– Сергей, – протянул я руку, здороваясь.

– Может, будем на «ты»? – спросил Уваров, глядя мне в глаза с оттенком вызова. Я решил, что адекватно реагировать на подобные подначки глупо, и спокойно согласился.

Мы прошли на кухню, Уваров немедленно закурил. И спросил:

– Так что вам надо? Или эта паршивка успела вляпаться в какую-то чепуху по вашей части?

– В смысле? – уточнил я.

– Ну, я не знаю, с кем там она якшалась. Может, наркотой торговала или за валюту неграм давала. Хотя за это сейчас не наказывают.

Меня натурально покорило от таких слов в адрес собственного ребенка.

– Нет, она ни во что не ввязалась, – спокойно ответил я, – дело несколько в другом.

– А в чем же тогда, скажи пожалуйста? – удивился Уваров.

– Собственно, в том, что случай с Ларисой – не единственный. Еще, как минимум, две девушки ее возраста подверглись такому же заболеванию. Одна из них сейчас находится в психиатрической клинике, а вторая бесследно исчезла.

– Ничего себе. А я-то думал, это только у нашей стервочки заскоки были!

– Вы говорите о дочери в несколько странных выражениях, – заметил я. – Такое чувство, что у вас с ней были не самые теплые отношения.

Уваров поморщился и глянул на меня так, словно я –

представитель партии «зеленых», развернувший транспарант о защите тараканов от санитарной инспекции.

– Ты сюда пришел не для того, чтобы читать мне мораль, я надеюсь? – ехидно спросил он. – Но если все-таки за этим, тогда позволь кое-что объяснить. Мы не собирались заводить детей. На ближайшие несколько лет у нас были другие планы. Но однажды жена что-то неправильно посчитала и в результате забеременела. Мы хотели делать аборт, но оказалось, что ей нельзя по медицинским причинам. Было решено, что девочка будет отдана на удочерение...

Он помолчал, как будто собираясь с духом, чтобы сказать что-то постыдное.

– Но мы смалодушничили. Жене показалось, что она просто не в состоянии отдать свою кровинушку в Дом ребенка. Пришлось оставить ее... Наверное, зря, потому что из-за нее мы не смогли сделать очень многого из задуманного. Я не защитил свою кандидатскую диссертацию, жене пришлось уволиться из престижной коммерческой фирмы с большими контактами за рубежом... В общем, из-за сомнительной радости ощущать себя родителями мы пропустили то время, когда еще могли подняться над средним классом. И остались теми, кто мы есть. Поэтому, ты уж извини, я не буду корчить из себя убитого горем папашу. Жаль только, что она умерла поздно и мы все равно не можем уже ничего в жизни поменять.

Он потер виски кончиками пальцев, демонстрируя, как

гнетет его эта чудовищная несправедливость. Я некоторое время помолчал, переваривая услышанное. Потом окончательно решил, что специалист по общению с людьми из меня и в самом деле поганый, и сказал Уварову:

– Знаешь, а у тебя чертовски удобная жизненная позиция. Зачем винить в проблемах себя, когда спокойно можно свалить собственные просчеты на ребенка. Отличный стрелочник, не спорю, вот только, как правило, если люди могут чего-то добиться, они это делают. При этом совершенно по барабану, есть у них дети или нет. То есть, ты прости, но дочка не виновата в ваших не защищенных диссертациях и увольнениях. Виноваты вы сами...

Уваров побагровел. Судя по всему, я врезал по болевой точке. Он пристально посмотрел мне в глаза и процедил:

– А ты не лезь не в свои сани, шпик хренов. И вообще, свалил бы ты с глаз долой, а то и удостоверение не поможет.

Угрозы подобного рода в исполнении Уварова могли меня разве что развеселить. Он был и меньше, и ниже меня. А в то, что этот типичный интеллигентный хлюпик может причинить мне какой-то физический ущерб, я не верил. Понимаю, что размеры – не показатель, и тот же Морихей Уэсиба, великий мастер айкидо, был всего сорока девяти килограммов весом. Но у нас пока не Япония, да и с тайными мастерами боя проблемы.

– Я хочу осмотреть комнату Ларисы. Потом уйду.

Уваров криво ухмыльнулся и рывком поднялся со стула.

– Комнату осмотреть хочешь? Ну что же, пойдем, осмотришь.

Я не ожидал, что он после сказанного проявит хоть какое-то желание со мной сотрудничать. Поэтому сразу заподозрил подвох. Даже приготовился к возможным осложнениям.

Но оказалось, что меня ждет проблема совсем другого характера. Он распахнул передо мной дверь и повел рукой, приглашая заглянуть. Я заглянул, и оказалось, что на осмотр комнаты Ларисы Уваровой я потрачу очень мало времени. Собственно, никакой комнаты не было. А была просто коробка из четырех стен, на которых очень дико смотрелись новенькие виниловые обои.

– А где ее вещи? – спросил я, заранее зная ответ.

– Мы все выбросили. Комнату отремонтируем и будем сдавать квартиранту. Чтобы забыть про само существование этой малолетней сволочи!

Меня передернуло. Уваров все больше рисковал нарваться на то, что я ему врежу.

– Не забудете, – ответил я. – И ты это прекрасно знаешь. И ты, и твоя жена обречены всегда помнить дочь, которую ненавидели совершенно незаслуженно, сваливали на нее вину в собственных недостатках, а потом еще и дали ей умереть. Пойду я, а то сейчас не сдержусь.

Хорохорившийся доселе Уваров, стоило мне намекнуть на возможные неприятности, заметно увеличил дистанцию

между собой и мною. Я молча прошел к двери и вышел, не попрощавшись. Мне на полном серьезе хотелось принять душ, чтобы отмыться от грязи, облепившей меня в этой квартире. Подумалось, что с такими настроениями лучше было бы не ехать на третий разговор, а засесть где-нибудь за хорошим кофе. Но день уже шел к вечеру, а Люберцы не так уж и близко от Бирюлево. Я решил, что кофе может подождать.

Общая черта

Третья поездка, заняв больше всего времени, не внесла никаких позитивных перемен в наше понимание ситуации. Родители пропавшей без вести Марины Потаниной знали о причинах внезапных перемен в поведении своей дочери несколько не больше, чем родители остальных детей. Более того, их это задело едва ли не сильнее всех прочих родителей вместе взятых. Потому что Марина была настоящей гордостью фамилии.

Исчезновение девочки стало трагедией для семьи, и они были готовы, если понадобится, продать душу дьяволу, если это поможет вернуть Марину. Так что я получил полную откровенность. Полную, но, как уже отмечалось, абсолютно бесполезную. И опять-таки мне разрешили забрать винчестер из компьютера Марины.

Выйдя из дома Потаниных и посмотрев на часы, я понял, что в офис можно уже не ехать – в полвосьмого вечера там

можно застать только наших неутомимых ученых и дежурного. Если, опять-таки, не произошло ничего страшного. Хотя, если бы произошло – я был бы уже в курсе.

Позвонив в офис и убедившись, что все в порядке, я поехал домой по заведомо длинному пути, размышляя о том, чем занимался прошедшим днем. Казалось бы, нет ни единого следа Зоны, но что-то мешало «списать в архив» это дело, отказаться от дальнейшего расследования. Шеф, сам того не желая, подsunул мне очень затягивающую головоломку.

Единственное, в чем я был уверен абсолютно точно на текущий момент, это в том, что нервные срывы у девчонок имели под собой какую-то конкретную и внятную причину. Хотя бы потому, что не бывает настолько одинаковых сумасшествий у людей, не получивших некоей общей психологической установки. Причем в данном случае вряд ли можно говорить о безумных временах и нравах, о том, что по телевизору невесть что показывают, и вообще, у молодежи в голове огромный ассортимент заготовок для безумия. Здесь все было слишком резко и жестко. Фактически это напоминало целеустремленную ломку мозгов. Только не было того, кто, собственно, должен был эту ломку производить.

То есть я сам привел себя к мысли о том, что обязательно должно найтись некое средство воздействия на девушек. Родители могли не знать ничего, но все равно: раз был срыв, должна быть и его причина.

Мысль прошла по кругу и укусила сама себя за хвост. Это

было неприятно. Я вообще не люблю, когда в голове происходят короткие замыкания подобного рода.

Усилим воли я прервал размышления. Нет ничего хуже, чем загонять себя в кольца пустых выдумок. Мысль мечется, ищет какие-то опоры и зацепки и рано или поздно начинает заниматься мифотворчеством, подгоняя факты под любую версию, пусть высосанную из пальца, но похожую на правду. И будь ты хоть трижды гениальным сыщиком, все равно можешь попасться в эту западню. А я, между прочим, отнюдь не гениальный сыщик...

Зато у меня есть винчестер от компьютера Лены Кижевой. И хотя я уже и сам не верю в возможность обнаружения там каких-то полезных фактов, где-то в глубине души все-таки брезжит слабая надежда. Потому что знаю: в том возрасте, в котором были пострадавшие девушки, невозможно наглухо молчать о происходящем с тобой. Могли остаться хотя бы намеки на то, с чего начиналась проблема. Хотя, если честно, надежды действительно очень мало. Даже если там что-то есть, где гарантия, что я действительно сумею понять, что вижу перед собой столь интересующую меня зацепку.

Поставив машину на охраняемую стоянку во дворе, я забрал портфель и поднялся к себе.

Мой компьютер привык к тому, что ему то и дело достается. Причем по большей части не от меня, а от веселых ребят из научной лаборатории нашей группы. Когда работаешь в маленьком коллективе, очень скоро рабочие отношения пе-

перрастают еще и в обычные человеческие. У меня время от времени происходят вечеринки по поводу и без. Иногда просто приходят поиграть в какую-нибудь стрелялку по локальной сети. Навозят целую квартиру компьютеров, и начинается форменное светопреставление.

Ну и понятно, что по моему компьютеру то и дело прохаживаются вредные ручки нашей братии. Ущерб от них, как правило, никакого, но понятно, какую боевую закалку получил мой компьютер. Сегодня у него будет в некотором смысле расширение сознания.

Я поставил вариться кофе, приготовил пару бутербродов и принялся подключать винчестеры. Потом сел перед компьютером с тарелкой и кружкой.

Теперь предстояло продраться через огромное количество информации. В общей сложности через три сотни гигабайт. Восемьдесят от Кижеватовой и от Марины еще двести двадцать. Девушка-художница располагала более серьезной машиной...

В общем, конечно, объем работ был несколько меньше. Как совершенно бесполезные, отбрасываются видеофильмы, туда же можно отнести и разного рода программные папки. Больше всего вопросов возникало относительно текстовых файлов, личных фотографий и ряда архивов. Их было очень много.

Влезая в документы, открывая фотоснимки, я чувствовал себя подсматривающим в замочную скважину. Приходилось

отгонять паршивое ощущение и смотреть дальше.

На фоне такой работы мне показалось, что трехсотграммовая кружка кофе закончилась быстрее, чем наперсток. Я посмотрел на хронометр – прошло полтора часа. Прикидывая на глазок, я разобрал процентов пять того, что предстояло. Думать о том, сколько еще всего впереди, не хотелось. Но и прекратить работу я не мог. Пока еще сохранился кураж, следовало разобраться с максимально возможным объемом данных.

Чтобы как-то сменить обстановку, я переключился с винчестера Лены Кижеватовой на жесткий диск художницы. Снова отмел все программные файлы, вскользь пробежался по музыке, кое-как просмотрел список фильмов. Среди последних по большей части доминировали разного рода «интеллектуальные» картины. Я вынужден был отметить, что большей части всего этого и близко не смотрел. А из того, что оказалось знакомым, большинство не вызвало у меня ни капельки позитива, поскольку выглядело как некий набор режиссерских комплексов и самовыражений без малейшей оглядки на зрителя. Хотя, если честно, я никогда не считал себя большим знатоком искусства.

После того как была процежена музыка, я перебрался в папку, где Марина хранила свои работы – картины и фотографии. Тут царил образцовый порядок, все было рассортировано по месяцам и годам, все имело название. Подумалось, что работать здесь мне будет несложно.

Я вспомнил, когда приблизительно начинало меняться поведение у Марины. Откинув от этого срока еще два месяца, я начал просматривать работы девушки.

Можно не разбираться в искусстве, можно вообще быть примитивным существом, которому место на баобабе где-нибудь в Центральной Африке, но если перед тобой произведение талантливого человека, оно тебя зацепит. Так вот, именно с позиции потенциального обитателя баобаба я могу заявить: Марина была очень талантлива. Практически все ее работы заставляли меня задерживать на себе взгляд хотя бы ненадолго.

У девушки оказалась довольно своеобразная манера рисования. И живопись, и графика в ее исполнении представляли собой хитрый пестрый калейдоскоп из пятен разного размера, цвета или оттенка, если это был черно-белый рисунок. Каждое из этих пятен было четко акцентировано, могло быть выхвачено из общей композиции и распознано. Но ценности в таком виде оно не имело. Другой вопрос – сочетание его с множеством подобных.

Самое забавное: при сильном подобии таких рисунков с лоскутным одеялом все изображенные на них объекты просматривались чрезвычайно внятно. Настолько внятно, что у меня не могло и вопросов возникнуть относительно того, что это есть.

В общем, я постановил для себя, что надо все-таки будет как следует приглядеться к творчеству Марины. Потом, ко-

гда это уже перестанет быть работой.

А пока что я убедился в том, что еще не до конца научился думать и не зря полез в работы девушки. Художники – они всегда очень серьезно реагируют на перемены в своем внутреннем мире. Даже тогда, когда мозгом еще не полностью их осознают. Марина в этом оказалась не исключением.

Я увидел, как изменились ее работы, как они стали менее понятными, вызывающими уже совсем другие эмоции, нежели раньше. Не знаю, почему, но у меня сложилось впечатление, что девушка и сама побаивалась своих работ.

Нетрудно также было заметить, что в целом она стала намного меньше рисовать. Не знаю, было ли это связано с замеченным (или выдуманным) мной страхом или просто безумие сжигало ее творческие возможности.

Потрясение ждало меня под заголовком: «Источник темноты». Я открыл рисунок. Он был совсем другим, исполненным в более традиционной манере. И на нем я увидел такую же линзу, какую совсем недавно нашел в приснопамятном подвале.

2. Зона

Сталкер Новокаин. Заведение жрального типа

Клизму не зря так прозвали. Стоило ему появиться в любом обществе, и спустя немного времени там начиналось натуральное извержение говна. Частично на него, частично просто друг на друга. Такое уж свойство было у Клизмы – рожать конфликты из ничего.

За это Новокаин его и не любил. Хотя, тут приходилось признать за собой известную степень обыкновенности. Клизму никто не любил. Разве что он сам, хотя и это еще очень большой вопрос.

Такому персонажу полагалось бы быть маленьким, плюгавым и уродливым. Как назло, Клизма представлял собой белокурую бестию – два метра роста, косая сажень в плечах, внешность то ли профессионального стриптизера, то ли актера из гламурных фильмов.

Новокаин, как обычно, сидел за столиком в дальнем углу кафе «Подснежник», которое у всех нормальных людей называлось «Жральной». А у интеллигентного Палыча, который до начала карьеры сталкера был кандидатом технических наук (и работал на злополучной атомной станции, к слову), «Подснежник» звался «Заведением жрального типа».

Позавчера Новокаин вернулся из очередного похода в Зону, сегодня утром – загнал хабар, и теперь мог позволить себе малость расслабиться. Что он, собственно, и делал в компании большого блюда жаркого и графина с полулитром беленькой. Всем своим видом Новокаин выражал полное категорическое нежелание заниматься активной коммуникацией с внешним миром. Никто и не лез особо – разве что поздравиться.

На первый взгляд, у Новокаина не было ни малейшего повода для смури. Поход оказался вполне удачным, и можно даже сказать, что спокойным. Стрелять вообще не пришлось. Только отсиделся в овражке, пока мимо ковыляло полтора десятка деловитых зомби, что-то тащивших в охапках. Никакого желания узнавать, что именно, Новокаин не имел. Встречаться с ними – тоже. Потому стоило только уродам нарисоваться в поле зрения, как он метнулся в овраг, плюхнулся на пузо и затем минут пятнадцать изображал неодушевленный элемент пейзажа.

Собственно Новокаин и сам не знал, что с ним случилось, почему он так скверно себя чувствовал после возвращения.

Клизма, войдя в «Подснежник», помахал от порога рукой сразу всему залу. В ответ раздалось вперемешку несколько приветственных возгласов и посылов куда подальше. Это было нормально по отношению к столь неоднозначному деятелю.

Самое забавное: Клизма, по сути, не был особо гадким

человеком. Он охотно помогал товарищам по профессии, а однажды – три дня тащил на себе из Зоны Борьку Лиса, угодившего правой ногой в какие-то едкие сопли и спалившего на ней мясо до кости. И вытащил, и доставил в больницу, и Лиса заштопали настолько качественно, что он снова начал ходить в Зону. Но как только Борька выписался – тут же нашел Клизму, вначале поблагодарил, а потом от всей души саданул с правой в репу. После этого Клизма оказался на больничной койке с сотрясением мозга, полученным частично от богатырской плюхи Лиса, а частично – от соприкосновения башки с тротуаром. Смущенный Лис, хоть и таскал Клизме фрукты в передаче, но всем говорил, что бил коллегу-сталкера за дело. Дескать, нечего языком молотъ.

Клизма прошел к стойке, заказал себе литровую кружку светлого пива. Пока ему наливали, осведомился, насколько сильно пиво разбавили, и нормальной ли водой? Работавшая в первую смену Наташка испепелила его взглядом, на что Клизма даже не отреагировал. Редкостный талант у человека – говорить гадости, вообще этого не замечая.

Полкружки Клизма выпил за стойкой, а потом увидел Новокаина и резвенько пошел к нему. Новокаин выругался. Только этого ему не хватало для полного счастья.

– Привет, Витек, – улыбнулся Клизма, подсаживаясь.

– Здорово, коли не шутишь, – ответил Новокаин. – Тебе чего?

Интонации вопроса явственно показывали, что Клизме

тут не рады. Но тот, как водится, на мнение других людей о своей персоне клал с прибором.

– Слышал новости?

– Смотря какие, – пожал плечами Новокаин. – Я каждый день новости по ящику смотрю и слушаю.

– Да ладно, не прикалывайся. Сам знаешь, что я не про то. Короче, ты в Зоне на запад когда последний раз высывался?

Новокаин задумался. Западная часть Зоны была не самой исследованной. Хотя бы потому, что находилась крепко в стороне от традиционных маршрутов. Собственно, и ходить-то туда было особо ни к чему – десятки гектаров пустого леса, огромное количество аномалий и практически полное отсутствие приличного хабара отвращали от запада даже ту немногочисленную прослойку сталкеров, которая занималась своим делом не ради хабара, а по каким-то другим мотивам.

– На запад я вообще особо не ходил, – ответил Новокаин. – Во всяком случае, не дальше пары километров от того места, где яйцеголовые сидят. Потом решил, что здоровье дороже. Когда приходится километр семь часов идти, а потом оказывается, что это еще только начало и дальше будет только хуже, начинаешь задумываться: а даже если там хороший хабар лежит, то, может, шкура все-таки дороже.

Клизма понимающе ухмыльнулся.

– Значит, фактически, не ходил.

– Фактически, – посмотрел Новокаин прямо в глаза Клизме, очень надеясь, что он поймет всю глубину его нежелания с ним общаться.

Клизма не понял.

– Туда на днях Глюк сходил. И вернулся, между прочим, живым и невредимым. Прошел все, что не сумел ты, и вернулся.

Подначка такого рода, разумеется, Новокаина не волновала вообще.

– Я-то здесь при чем?

– Да ни при чем. Говорю же, есть новость. Такая, что за-качаешься во все стороны разом.

Сообщать новость он не спешил. Вместо этого метнулся к стойке, вернулся с рюмкой водки и тарелочкой, на которой лежал маленький бутербродик с салом, красиво уселся на место и махнул эту рюмку так истово и одухотворенно, словно дальше ему предстояла смертная казнь. К сожалению, прервать этот спектакль не представлялось возможным. Новокаин молча налил себе еще и тоже выпил.

Вдумчиво сжевав бутерброд, Клизма наконец-то соизволил подать голос:

– Короче, рассказываю: Глюк принес новый артефакт.

Новокаин вяло кивнул. Сплетни про новые артефакты ходили-бродили во множестве. И порой казалось, что они имеют под собой вполне реальную почву. Потом, впрочем, оказывалось, что или рассказчик слабо разбирается в том, какие

артефакты вообще бывают, или кто-то захотел развести лоха на бабки. Ну или еще что-то в подобном стиле.

– Ты что, мне не веришь? – спросил Клизма.

– Не верю, – ответил Новокаин. – Потому что уже не первый год по Зоне хожу и знаю, чего стоят такие разговоры.

– Да ладно, ты не приценивайся раньше времени, – усмехнулся Клизма. – Глюк когда принес эти штуки, то на радостях с ними фотографировался направо и налево. И фотки дарил всем, кому не лень. И мне в том числе. Смотри!

– Слушай, – нахмурился Новокаин, глянув мельком на фото, – а вот зачем ты мне это рассказываешь? Что задумал?

– Задумал прогуляться в те края, – ответил Клизма, – Но один как-то не отваживаюсь.

Новокаин чуть было не покачал головой. Нет, ничего такого не скажешь, Клизма был бывалым сталкером, но представить себе совместный с ним поход Новокаин просто не мог.

– Слушай, я только что из Зоны вернулся, хотел бы передохнуть пару недель, а уже потом думать насчет нового похода.

– Да не грузи ты, – буркнул Клизма. – Если хочешь отмазаться от меня, так и скажи. Была бы честь предложена!

Новокаин молча отвернулся. Ему не хотелось вдаваться в дискуссии относительно психологических предпочтений к своим спутникам.

Клизма хотел было сказать что-то еще, но затем просто

махнул рукой и пошел к другому столику.

До чего доводит упрямство

Клизма своего, разумеется, добился. Помимо всего прочего, он был чрезвычайно упрямым и доставучим. Уразумев, что от более опытных сталкеров он получит гарантированный отказ, Иван (так Клизму звали в миру) пошел к тем, кто не имел такого стажа. Не к самым зеленым, конечно – нянчиться с салагами Клизма не собирался. Ему нужны были помощники, а не балласт.

К полуночи он зацепил двоих молодых ребят, согласившихся составить опытному сталкеру компанию в Зоне. Клизма остался доволен собой, и с утра вся троица дружно направилась в сторону армейских пикетов на границе Зоны.

Зона с самого начала своего существования была наглухо прикрыта войсками. И посторонних тут, мягко говоря, недолюбливали. А по сталкерам вели огонь на поражение.

Одного из молодых звали Петром, а прозвище у него было Рыба. Второму, собственно, и погоняла не требовалось, потому что родители, как будто изощряясь в чувстве юмора, нарекли парня Емельяном. Так что Емеля и в сталкерах остался Емелей.

К блокпостам они вышли примерно в полчетвертого утра, когда сумерки были еще густыми, но небо уже приобрело глубокий ультрамариновый свет, характерный для переход-

ного состояния между поздней ночью и очень ранним утром.

Время для прохода за кордоны было почти что оптимальное. Под утро часовые всегда вялые и больше сражаются со сном, чем несут вахту. Смена караула тут не слишком-то помогает.

Сталкеры выбрались в овражек, из которого блокпост был уже очень хорошо виден – три большие брезентовые палатки, костер с висящим на проволоке котелком и сидящие возле него трое бойцов. Остальные, по всей видимости, спали внутри палаток.

– Сейчас поползем вон там, по правую руку, по канаве, – прошептал Клизма.

– А у них разве собак нет? – удивился Емеля.

– Нет. Раньше были, а теперь почему-то не держат. Говорят, им «Гринпис» запретил. Дескать, Зона плохо влияет на несчастных животных, и их надо всячески беречь от негативного воздействия.

– А людей, значит, можно не беречь! – пробурчал Рыба.

Клизма только развел руками. И так было понятно, что с головой порядок далеко не у всех защитников природы в этом мире. Вот тут, например, бардак и безобразие совершенно налицо.

Они прошли, пригнувшись, по оврагу метров сто и наткнулись на канаву, о которой говорил Клизма. Это была именно канава – явно рукотворное и очень запущенное углубление в земле. Сантиметров сорок, наверное, глубиной

и около семидесяти сантиметров шириной. В самый раз проползти человеку. Насколько могли видеть молодые, воды на дне канавы не было. И это было хорошо, потому что никто не имел ни малейшего желания тащиться на пузе по мокрой жиже добрых полкилометра.

Клизма пополз первым. Ему было не привыкать, так что передвижение получилось практически бесшумным. Рыба и Емеля ползли немногим громче – первое, чему учится сталкер, это двигаться осторожно и бесшумно, чтобы не попасть под раздачу свинцового гороха от вояк, бандитов и просто ретивых конкурентов.

Канавы, судя по всему, проходила где-то совсем рядом с блокпостом – некоторое время сталкеры слышали, как переговариваются вояки. Потом отголоски затихли и остались только звуки собственного движения.

По всей видимости, канавы была чрезвычайно привычным путем для выхода в Зону. Во всяком случае, с ее дна были заботливо убраны все естественные препятствия.

Наконец Клизма поднялся на ноги и уже чуть ли не в полный голос сказал:

– Поздравляю с очередным прибытием. Теперь пройдемся немножко и устроимся отдыхать до рассвета.

Они перевалили за небольшую горку, и Клизма подвел спутников к большой елке, выкорчеванной из земли. Ее плоские корни нависали над землей, будто мохнатая крыша.

– Тут пересидим, – сказал Клизма. – Это проверенное ме-

сто, здесь наша братия через одного отдыхала. Сейчас чайку сообразим.

Емеля и Рыба обменялись вопросительными взглядами. Они пока не представляли себе чаепитие вот здесь, под корнями вывернутой ели, чуть ли не на виду у армейского блокпоста. Но Клизма и тут отличился: он порылся под корнями, и на свет божий появились портативная газовая плитка, три эмалированные кружки, и такая же кастрюлька.

– Чай заварим прямо в кастрюле, – сказал сталкер, доставая жестяную банку.

– А это как? – задал Емеля глупый вопрос.

– А это так, – усмехнулся Клизма. – Тут общее лежит. Угощаются все, кто знают про этот схрон. Взамен надо только положить при случае чайку или газовый баллон принести. Я тоже в этом обустройстве принимал участие, так что отдыхаем и чаевничаем.

Он поставил плитку под корни, налил в кастрюльку воды из канистры и зажег огонь. Видеть бледносинее пламя горящего газа тут, в лесу, было как-то непривычно. То есть не как-то, а совсем непривычно. Но с другой стороны – было чертовски уютно, ничего не скажешь. Клизма горделиво поглядывал на лица своих молодых компаньонов.

Наконец чай поспел. Сталкеры выпили по две кружки обжигающего сладкого напитка. Клизма, убирая принадлежности обратно в тайник, сказал:

– Спасибо тому, кто это придумал. Хотя никто уже и не

помнит его. Дело-то давнее.

Мало-помалу рассвело. На востоке небо из красного стало желто-оранжевым, и чем ниже к земле, тем сильнее оно наливалось яркостью, так что в конце концов на него уже и смотреть было нестерпимо.

Сталкеры двинулись дальше – осторожно, внимательно глядя по сторонам, готовые в любой момент дать отпор. Утро – это пора, когда в Зоне просыпаются и ее обитатели, и гости – сталкеры, бандиты, мародеры – вся та «пассионарная» братия, которая тут цвела махровым цветом.

Впрочем, шансов на встречу с людьми было немного – сталкеры шли в западную часть Зоны, где по идее не было никого и ничего, кроме большого количества неприятностей.

Места с проблемами начались километра через два. Вначале Клизма заметил легкое марево за невысокими кустами можжевельника, в низинке. Он остановил спутников, поднял с земли небольшую ветку и швырнул туда. Ветка описала пологую дугу, а потом ее бросило вверх так, что она исчезла из виду.

– Трамплин, – констатировал Рыба. Он был самым молчаливым, за что, кстати, и прозвище свое получил.

Отметив препятствие вешками, сталкеры обошли его и углубились в дикие земли.

Дикие земли

На запад, считай, никто не ходил, и это порождало очень серьезную проблему. Это означало, что о картах местности можно забыть – их просто-напросто не было. Говорили, что у Глюка есть наброски на бумажке, но, во-первых, Клизма их так и не достал, а во-вторых, идти по тому же маршруту не собирался.

Так что продвигались очень медленно, буквально обнюхивая местность перед собой. Занятие неторопливое и местами даже занудное, но мысль о новом артефакте грела и придавала целеустремленности. Наверное примерно так в свое время двигались поселенцы на Клондайк. Хотя, что Клондайк? Там было банальное и предсказуемое золото.

Они спустились в овраг. Он был широким, с пологими склонами. По дну текла неторопливая речушка. Емеля дернулся было к воде, но Клизма окоротил его:

– погоди, не ищи приключений на свою задницу. Мало ли, что тут плавает и растет.

И как будто в подтверждение его слов из мелководья выпрыгнуло что-то, очень напоминающее крупную камбалу или мелкого ската. Блеснув на солнце чешуей, уродина ухватила неосторожную трясогузку, как раз пролетающую над речкой на бреющем полете. Емеля присвистнул.

– Вот такую бы хреновину на Большую Землю отнести.

Было бы любителям экзотической живности счастье!

С некоторых пор это стало новым увлечением толстосумов – держать дома кого-нибудь из Зоны. Предпочтение отдавалось, конечно, тварям понятным и относительно небольшим. Но были и экстремалы, желающие непременно чего-то особенного. По слухам, одному такому деятелю доставили контролера. Тот некоторое время боялся и вел себя спокойно. А потом устроил массовые беспорядки с участием чертовой уймы зомбированных животных и самого хозяина, которого контролер захватил во сне. В результате, разумеется, была драка. Контролера и почти всех его рабов перебили. Хозяина потом долго лечили в психиатрической больнице – взлом мозгов не прошел ему даром.

Может, и на эту неслабую рыбку покупатель нашелся бы. Кто его знает?

Речку переходили очень аккуратно – двое стерегли – не подплывает ли еще что-нибудь крупное и хищное, когда шел вброд третий, но обошлось.

Сталкеры поднялись на склон и увидели небольшую лужайку, за которой снова начинался лес – изрядно замусоренный смешанный массив. На опушке стоял покосившийся сарай. Все бы ничего, но он выглядел довольно-таки свежим. Как будто эту постройку возвели здесь не до появления Зоны, а месяца четыре назад. Хотя последнее было абсолютно невозможным.

Клизма снял с плеча «сайгу», передернул затвор и пове-

сил так, чтобы в дальнейшем можно было направить на врага ее дуло буквально одним движением.

– Это что за строительные работы? – удивился он.

– Будем смотреть? – спросил Емеля.

– Ясное дело, – ответил Клизма. – Только очень осторожно. Мало ли кто тут хозяйничает. Нарвемся на растяжку, поотрывает все лишнее, то-то будет весело!

Осторожно, выстроившись дугой, они зашагали к строению. Определенно сарай был новым. Доски, из которых его сколотил неизвестный строитель, еще не утратили восковой желтизны, и она явственно просвечивала сквозь уже схватившую их серость.

На двери сарая висел большой замок. Не карикатурный амбарный «полкан», которым до сих пор иногда запирают подобные сооружения, а нормальный современный замок, только очень большой.

Сталкеры приблизились к сараю. Клизма на всякий случай набросал вокруг него гаек, чтобы точно знать, что под стенами не прячется никаких аномалий. Гайки громко стучали о доски и падали в траву, показывая, что сарайчик этот ничуть не более необычен, чем любая такая же постройка вне Зоны.

– И кто же его построил тут? – удивился Емеля.

– Да черт его знает, – пожал плечами Клизма. – Я вот думаю – может, тут есть кто-то? Остался в Зоне после аварии и живет себе?

– Да не может такого быть! – отмахнулся Рыба.

Емеля несколько секунд подумал, а потом возразил:

– Почему не может? Если после первого Чернобыля народ оставался, то почему после второго не может. Дураков на свете хватает.

Клизма пощупал сарай. Рука ощутила шершавые доски, теплые и твердые. Нормальная древесина, без подвоха.

Он потрогал замок, подергал за него. Сарай был заперт наглухо. И несмотря на то, что дверь была деревянной, не вызывало ни малейшего сомнения, что она достаточно прочная.

Емеля повернул голову чуть набок, разглядывая сарай, а потом сказал как бы сам себе:

– Мне вот интересно – что там внутри.

Клизма и Рыба посмотрели на коллегу неодобрительно, однако и их начало разбирать любопытство. Нехорошее такое любопытство, жгучее и цепляющее, так что от него особо и не отделаешься.

Рыба постучал замком о дверь. Вопросительно оглянулся на Клизму – что скажет начальник. Начальнику, если честно, сама идея этого спонтанного мародерства не нравилась. С другой стороны, посмотреть на содержимое сарая все-таки хотелось. Даже не столько ради потенциальной наживы, сколько из дурацкого любопытства.

Клизма поскреб в затылке, а потом махнул рукой:

– Лады, если вам так нейдет – давайте посмотрим, кто

в домике живет и что там лежит.

Следовало признать, что по части взлома замков Клизма был специалистом не большим, чем любой средний человек. Он взял в руки замок, покрутил его, дернул несколько раз, как будто рассчитывая на то, что тот вдруг возьмет и отвалится сам по себе. Разумеется, этого не произошло.

Клизма пригляделся к петлям, на которых висел замок. Это были две скобы из стали, толщиной примерно миллиметров восемь. Скобы были прочно вколочены в древесину. Клизма вытащил нож и буркнул:

– Ну что, будем выковыривать? Или как?

Он несколько раз ткнул ножом в дерево. То отозвалось упругим гулом – неожиданно громким и звучным. Откололась пара-тройка щепок.

Емеля остановил командира:

– Погоди, Иван. У меня есть получше прибор.

Он расстегнул боковой карман рюкзака и вытащил из него короткую монтировку.

– Нормально, блин. Джентльменский набор взломщика...

Ладно, давай сюда свою железяку, – засмеялся Клизма.

Просунув монтировку между замком и стеной, Клизма налег на нее. Дерево оказалось еще прочнее, чем казалось на первый взгляд. Во всяком случае скобы не поддались ни на миллиметр. Клизма навалился сильнее. И дерево издало протяжный душераздирающий скрежет, от которого у всех мороз пошел по коже. И кажется, скобы немного выступили

из деревяшки.

– Пошла, родимая! – радостно воскликнул сталкер, наваливаясь уже всем телом.

Скобы поддались еще немного. Дерево трещало все громче, хотя казалось, что это уже просто невозможно. Рыба выматерился вполголоса, но на фоне треска, исходившего из двери сарая, это прозвучало как слабый шепот.

И когда скобы оказались вырванными почти наполовину, из-под них на руки Клизмы брызнула кровь. Настоящая, ярко-алая, горячая кровь. В воздухе моментально разнесся характерный сладковато-металлический запах.

Клизма уронил инструмент и отшатнулся. Он повидал всякого, но ни с чем подобным не сталкивался никогда прежде. Теоретически каждый сталкер должен уметь не теряться в неординарной ситуации. Практически же все зависит от степени непонятности и нелогичности случившегося. Чем более нелогично происшествие, тем сложнее вести себя хотя бы мало-мальски адекватно.

Кровь, между тем, продолжала течь. Пожалуй, если бы речь шла не о сарае, а о человеке, тут можно было бы утверждать, что у него артериальное кровотечение.

– Че за хрень? – возмущенно и в то же время испуганно рявкнул Емеля.

Вопрос был риторическим, так что ответа молодому сталкеру получить не удалось.

За сараем раздался хруст. Было полное ощущение, что че-

рез лес кто-то ломится, не разбирая дороги. Клизма, вытерев окровавленные руки о штаны, сорвал с плеча карабин. Емеля вытащил и снял с предохранителя пистолет, Рыба взвел курки у своего обреза.

На опушке появились люди. Много людей – не менее двух десятков. Все в крестьянской одежде и с чем-то из сельскохозяйственного инвентаря – либо вилами, либо серпом, либо лопатой – в руках. И, насколько можно было судить по их лицам, настроенные отнюдь не самым дружелюбным образом.

– Это еще что за народное восстание? – истерично взвизнул Емеля.

Клизма направил в сторону людей дуло карабина и крикнул, чтобы те не подходили. В ответ те взяли наперевес свои орудия и ускорили шаг. Стало понятно, что ничего похожего на мирные переговоры и близко не получится.

Несмотря на то, что стрельба по мирным сельчанам казалась форменной дикостью, каждый из сталкеров осознавал, что этого не избежать. Было что-то в этих людях неправильное, чего не может и не должно быть в обыкновенных сельских жителях, пусть они и решили, вопреки здравому смыслу, остаться выживать в Зоне. Да, подобное неизбежно ожесточает людей. Но не до такой же степени. Сталкеры видели перед собой перекошенные лица, в которых даже и не злость была, а было какое-то дикое любопытство, смешанное с азартом. Как у охотников, которые пошли загоном на

обыкновенного волка, а теперь преследуют исключительно диковинного зверя.

Клизма решил первым. Прицелившись в грудь широкоплечего мужика, бежавшего с занесенной над головой совковой лопатой, он нажал на спуск.

Оружие гроыхнуло, толкнуло в плечо отдачей. На темно-серой рубашке мужика расцвела рваная багровая клякса, его швырнуло на спину. Лопата упала сверху. Ряды нападавших сомкнулись, они ускорили бег. Из их глоток вырвалось что-то вроде негромкого гортанного рева. В этом реве не было ничего, кроме угрозы.

Теперь выстрелил Рыба. От оглушительного дуплета у сталкеров заложило уши. Голова толстой тетки в нелепом розовом платье разлетелась на куски. Тело пробежало еще шага три и упало ничком.

– Валим отсюда! – рявкнул Клизма. Что-то подсказывало ему, что дело не ограничится односторонней пальбой по живым мишеням.

Нападавшим оставалось пробежать метров десять. Сталкеры двинулись в сторону оврага, уложив перед этим несколькими прицельными выстрелами особо ретивых крестьян.

Ситуация была страшной в своей нелепости. Одно дело, когда ты стреляешь по мутантам, и совсем другое, когда по ту сторону прицела – люди. Причем не бандиты и мародеры, а простые сельчане.

Или все-таки не простые? Каждый из троих сталкеров – и более опытный Клизма, и Емеля с Рыбой – видели, что нападавшие на них крестьяне – это что-то ненормальное. Дело было даже не в агрессивности и полном пренебрежении к угрозе получить пулю. Что-то было не так в манере двигаться, в лицах, даже в одежде. Если бы эти крестьяне не нападали, то, может быть, неправильность можно было бы понять. А так – времени не оставалось.

Выстрелы сталкеров свалили с ног еще троих атакующих. Толпа поредела, но от леса бежали новые люди – столько же, а то и больше. А до кромки оврага было еще метров пятьдесят.

Над ухом у Емели коротко свистнуло, и почти тут же из-за спины прозвучал короткий сочный удар. Ну что же, интуиция Клизмы не подвела – по ним начали стрелять.

Рыба развернулся, нажал на курок, опрокидывая с развороченной грудью еще одного противника. Повернулся – и увидел, как навстречу им из казавшегося спасительным оврага выкатывается волна псов. Именно волна – другого наименования для стаи такой численности придумать было трудно. Псов было не меньше сотни. И при любых обстоятельствах это означало чертовски большие проблемы. Даже без поправки на погоню за спиной. А с поправкой – сталкеры могли уже читать по себе отходные молитвы.

Клизма было надеялся, что появление собак отпугнет крестьян. Но те, казалось, вообще не обратили внимания

на тварей. Впрочем, собаки тоже не проявили ни малейшего желания нападать на вооруженных сельчан. Вообще было полное ощущение, что у них и псов – нечто вроде альянса.

Поневоле сталкеры стали чувствовать легкую панику. Численный перевес нападавших выглядел достаточным, чтобы говорить о гарантированной преждевременной кончине для чрезмерно любопытной троицы.

Псы побежали по касательной вдоль оврага, не нападая на сталкеров, а как бы отрезая их, зажимая в очень ограниченное пространство. Клизма выстрелил по собакам три раза. Три поджарых разноцветных тела покатались по земле, захлебываясь отчаянным предсмертным визгом. Собаки будто и не заметили потери своих сородичей – они просто носились туда-сюда по краю оврага, захлебываясь пронзительным лаем. Вкупе с нечленораздельным жутким ревом нападавших людей звуковое сопровождение получалось просто чудовищным.

Клизма, перекрикивая эту какофонию, заорал:

– Палите по народу!

И вправду создавалось четкое ощущение, что собаки – это не опасность по сравнению с двуногими тварями. Назвать их людьми, уже не поворачивался язык. У людей не может быть таких лиц, да и звуки такого рода люди вряд ли могут издавать.

Загремели выстрелы. Еще четверо человекоподобных монстров упали, изрешеченные пулями и крупной дробью.

Оставалось еще десять, но из леса уже спешила новая подмога. И там их было вообще без счета.

– Да что же это за фигня? – взвизгнул Рыба, и едва успела прозвучать эта фраза, как на левом плече у него расцвела лохматая кровавая дыра. Тот, кто стрелял по ним, наконец-то попал.

Рыба дернулся, уронил обрез, и, вытянув шею, искоса заглянул в свою рану. Будто бы она содержала в себе что-то необычное.

Нападавшие вдруг остановились, на их рожах отобразилось любопытство. Емеля и Клизма только подняли оружие, чтобы разобраться с ближними тварями, как вдруг Рыба пронзительно заверещал.

Сталкеры развернулись к раненому товарищу и увидели, что из раны у того лезет множество тонких белесых щупалец. Они вываливались из раны, как будто выдавливаемые оттуда непонятной силой. Что самое страшное, крови при этом не было. Только эта непонятная студенистая дрянь.

– Спасите! – заорал Рыба, и в этот момент щупальца полезли у него изо рта. Крик мгновенно оборвался, и теперь сталкер как никогда походил на свое прозвище – он только беззвучно шевелил губами, из которых, будто непрожеванные макароны, свисали белые нити.

Потом он упал лицом вниз, ноги задержались, оставляя на траве длинные рваные следы. Клизма не выдержал. Прицелившись, он выстрелил в голову Рыбе, чтобы прервать му-

чения несчастного. Пуля, выпущенная практически в упор, расколола череп, но вместо крови из ран наружу поползла все та же мерзость. Правда, Рыба перестал дергаться. Клизма очень хотел верить, что товарищ уже мертв и больше ничего не чувствует.

Нападавшие радостно взвыли и снова двинулись на сталкеров. Клизма и Емеля, переглянувшись, пошли на прорыв к оврагу, ведя ураганный огонь. Собаки, несмотря на то, что их будто косо́й выкашивали, тем не менее продолжали тесниться возле оврага не атакая. Словно бы у них был договор с теми человекоподобными тварями, которые наступали со стороны леса.

Двое людей теперь казались чем-то ничтожным, чему осталось существовать лишь еще несколько секунд. А потом – останется только кровожадное безумие, невыносимо страшное даже для Зоны...

Выстрелы стихли. Над Зоной повисло молчание.

Если бы на месте битвы присутствовал наблюдатель, он мог бы видеть, как сарай, который пытались взломать сталкеры, стал перекашиваться набок и будто бы тонуть в луже крови, все еще вытекавшей из-под полуоторванного замка. Доски и шифер гнулись, как свежее испеченные вафли, и строение медленно превращалось в бесформенную кучу. Человекоподобные твари, которые толклись рядом все время, пока происходил этот неестественный процесс, окружили эту кучу. Они принялись отрывать от нее куски и неторопли-

во поедать их. Животы тварей раздувались, а они все жрали и жрали. Наконец, раздувшиеся до полной неузнаваемости, они пошли в сторону леса, оставив на месте, где был сарай, только темную лужу и немного ошметков.

И когда последний из них скрылся за деревьями, с земли у оврага поднялся Емеля. Выглядел он просто ужасно – оторванный нос, висящий на нерве и сосудах правый глаз, глубокие рваные борозды на голове. Изодранный в клочья камуфляж уже не прикрывал множество не менее ужасных ран по всему телу.

Шатаясь и спотыкаясь, издавая почти непрерывный стон, Емеля двинулся в обратный путь...

Утром он перепугает весь «Подснежник», перевалившись через порог. А те крики, которыми он разразится спустя несколько секунд, многим присутствующим будут сниться в кошмарах еще очень долго...

3. Москва

Майор ФСБ Сергей Гордин. След зоны

Прямо с утра я пришел к Зарембо, вставил в его компьютер свою флешку, на которой был рисунок Марины, и показал его начальнику.

– И что? – спросил тот.

Я сообразил, что Степан Иванович может и не знать про найденный мной при недавней зачистке подвала черный камень. Или, скорее, черную стекляшку. Пришлось дать пояснения. Зарембо внимательно выслушал, а потом спросил:

– Думаешь, это все из-за камня?

– Пока ничего не думаю. Но согласитесь, если в двух случаях встречается одна и та же вещь, причем ее происхождение – явно дело темное, надо хорошенько подумать, не оказывает ли она какого-то влияния на ситуацию.

Зарембо кивнул. Подумав некоторое время, он спросил:

– Это же может оказаться чем-то из Зоны? Оттуда вечно какую-нибудь контрабанду таскают!

– Да, запросто, – ответил я. – Только вот незадача: я до сих пока не видел ничего подобного. Хотя вроде считаюсь знатоком этих самых артефактов.

– Но ты же не можешь гарантировать, что Зона не выкинет

какой-нибудь новый фортель?

– Не могу, разумеется, – ответил я.

Зарембо развел руками с таким видом, как будто говорил: «Ну вот видишь!»

Он нажал кнопку на селекторе и попросил секретаршу принести нам по чашке чая. Та исполнила запрос практически моментально. Подвигая ко мне тарелку с печеньем, Степан Иванович сказал:

– Обстоятельства обнаружения артефактов, прямо скажем, очень разные. Какие соображения относительно причинно-следственной связи? Что было раньше? Наши неприятности или камень?

Я ответил сразу же:

– Думаю, что, по крайней мере в случае с девушками, всему виной именно камень. Потому что Марина нарисовала его еще тогда, когда была, в принципе, нормальной. Нервный срыв у нее случился позже. А вот насчет подвала не могу сказать совершенно ничего определенного. Тварь, как вы понимаете, на человека была похожа очень слабо. Так что, может быть, связи между нею и камнем и вовсе нет...

Генерал слушал меня, прихлебывая чай. Пока что он не делал никаких замечаний и не задавал вопросов. То есть, в общем-то, это означало, что он не возражал против моих выкладок.

– Отдай сегодня линзу нашей высоколобой братии, – сказал Зарембо после довольно продолжительной паузы. –

Пусть посмотрят, что она вообще из себя представляет, так сказать, в натуре.

– Отдал уже, – ответил я. – Жду результат. Запросил данные по химическому составу. Интересно – это просто камень или нечто более сложное?

– Насчет просто камня – это ты, Сережа, наверняка загнул, – усмехнулся Зарембо. – Кстати, когда камешек-то из лаборатории отдадут, принеси его ко мне. Хочу приглядеться к нему, руками за него подержаться. Может, получится чего учуять.

Насчет учуять Зарембо не шутил. Было что-то в его крови, доставшееся от цыганских родителей и предков. Что-то такое, чему и толкового объяснения не дашь. Что-то вроде интуиции, но более острое. Правда, срабатывающее отнюдь не каждый раз. Зато уж если проявляющееся, то всегда с некоторой пользой для дела. Сам Степан Иванович к этому своему таланту относился очень ровно. Как раз потому, что тот проявлялся не тогда, когда это было надо, а тогда, когда имелось в наличии настроение. Какое именно настроение – тоже вопрос. Потому Зарембо не носился со своей интуицией, как дурень с писаной торбой, да и вообще предпочитал не рассчитывать на нее чрезмерно.

Тем не менее, я решил, что непременно сделаю так, как говорит шеф. Просто на всякий случай. Потому что уже бывало, что Зарембо наталкивал меня на очень здравые мысли относительно того, что делать при тех или иных обстоятель-

ствах.

Вернувшись к себе, я обнаружил на автоответчике пропущенный вызов из биологической лаборатории. Я перезвонил. Трубку поднял Эдик Алимов – руководитель этого структурного подразделения Особой Группы.

– Привет! – сказал он. – Ты сейчас свободен?

– Ну, в принципе, да. Хотя, смотря с какой целью ты интересуешься.

– Ты нам на днях очередную страхолюдину сдал? Так подойди, получи информацию. Или уже не надо?

Я засмеялся:

– Как это – не надо? Подожди минутку, сейчас я к вам спущусь!

– Шуруй сразу в прозекторскую. Там тебе Маша все расскажет и покажет. Кстати, сукин ты сын! Почему про девушку забыл?

Я смущенно кашлянул. То, что Маша Якушева мне нравилась, не было тайной для ОГ, и, разумеется, коллеги не упускали ни малейшей возможности отпустить по этому поводу беззлобную шутку. Я обычно отбрехивался замечаниями относительно того, что они все мне завидуют. И, наверное, какая-то доля истины в этом утверждении присутствовала. Было чему завидовать, если честно.

– Знаешь, с тем, что в последние дни творится, не только про девушку забудешь, – покачал я головой. – Работа привалила нежданная и неприятная.

– Я в курсе, – хохотнул в трубку Алимов, – но это не повод. Ну ты понял, ага?

– Все понял, сэнсей! – ответил я в тон ему и отключился от линии.

Прихватив со стола блокнот, ручку и КПК, я отправился в морг.

Морг в ОГ – он и есть морг. С той лишь разницей, что время от времени на прозекторские столы попадают нестандартные жмурики. Настолько нестандартные, что у обыкновенного патологоанатома вряд ли хватит решимости даже просто приблизиться к усопшему, не говоря уже о том, чтобы сделать вскрытие.

Маша к нестандартным жмурикам привычная. Хотя и она, как говорят, когда пришла в Особую Группу три года назад и впервые увидела отосланную ей на потрошение «плоть», упала в обморок. Но это было давно, а сейчас я уже и не знаю, можно ли чем-то таким ее удивить.

Я вошел в морг и с порога поздоровался. Маша, возившаяся у металлического стола, на котором лежала накрытая мешковиной туша, повернулась, сняла маску и расцвела в улыбке. Я, разумеется, тоже радостно ощерился.

Маша Якушева, штатный врач-патологоанатом Особой Группы, очень красива. Довольно высокая, стройная, но не худая, с прекрасной фигурой. Лицо у нее с каким-то «налетом востока» – по-другому и не скажешь. Но при этом типаж у Маши русский. Еще у нее роскошные темно-каштановые

волосы, которые обычно скрывает белая шапочка.

– Ну привет, пропажа! – весело сказала она, подойдя и чмокнув меня в щеку. Я крепко обнял ее и чуть приподнял – наше ритуальное приветствие.

– Я не пропажа. Я просто тут новую головоломку нашел. Разбираюсь, – я кивнул на труп монстра под мешковиной на столе. – Может, ты сможешь прояснить, что и как?

Маша искоса глянула на стол и покачала головой.

– Знаешь, Сережа, мне кажется, что как раз наоборот – запутаю до предела.

– Это как? – удивился я.

Маша знаком пригласила меня следовать за ней и подошла к столу, на котором лежали распечатанные на лазерном принтере листы бумаги. Как я понял, с результатами аутопсии.

– Значит так, – сказала Маша, – ты привез ко мне убитую тварь, которая по всем внешним признакам не имеет абсолютно ничего общего с человеком. Другая структура кожи, форма передних и задних конечностей. Сорок восемь зубов, наличие ярко выраженных клыков. Хотя она прямоходящая. То есть опорно-двигательный аппарат у нее работает, как у человека. Хотя, сам понимаешь, при нормальных условиях это никак не тянет на общий признак.

Я кивнул головой, показывая, что полностью согласен с ходом мысли Маши.

– Совсем другое дело – внутренности, – сказала Маша. –

Тут я оказалась в тупике. Не знаю, как это объяснить. Хоть убей, не знаю.

– А что такое? – удивился я.

Маша поворошила листы, уселась за стол и посмотрела снизу вверх прямо мне в глаза.

– У него очень странное устройство внутренних органов. Смотри. В целом набор более-менее стандартный и понятный. Есть легкие, сердце, органы пищеварения. Есть очень хорошо развитый головной мозг. Что поразительно – состоящий не из двух полушарий, а из трех долей. Две большие и одна малая, расположенная между ними. Есть также некоторое количество мелких органов, которые я так и не сумела опознать. Скорее всего, какие-то железы. Но это просто так не подтвердишь и не опровергнешь – надо долго и фундаментально исследовать.

– Жаль, что мы не в кино, – усмехнулся я. – Там доктора всегда такие всезнающие, что хоть стой, хоть падай.

– Жаль, – согласилась Маша. Из того, что она не подхватила мою фантазию, я сделал вывод: дело еще серьезнее, чем мне показалось на первый взгляд.

Она потеряла лоб – жест усталости и в какой-то мере беспомощности. И продолжила:

– Странность, собственно, в том, что некоторые из органов нашего «красавчика» полностью идентичны человеческим. Другие – напротив, совершенно не похожи. А третьи – держись крепче, не упади – как будто бы просто не успели

трансформироваться в человеческие.

– Не понял! – вытаращил я глаза на Машу. Она поднялась со стула.

Мы прошли в угол прозекторской, где в стеклянных емкостях разного размера плавали в формалине внутренности твари. Так сказать вся его внутренняя сущность.

Маша подвела меня к сосуду с легкими.

– Гляди.

Я не был врачом. И не считал себя знатоком анатомии человека. Однако разглядеть, что не в порядке с данными конкретными легкими, смог даже я.

Судя по внешнему виду, раньше они были одним большим легким, имеющим форму широкого серпа, из середины вогнутой стороны которого выходила трахея. Это серповидное легкое было светло-коричневого цвета и имело бугристую структуру. Странность заключалась в том, что одна из половин этого коричневого серпа была как бы неровно оторвана, а из разрыва торчал изрядный кусок человеческого легкого. Розового, чистенького, как у новорожденного младенца. Коричневое чужое легкое переходило в нормальное так же плавно, как полутона на живописном полотне.

В целом это была очень неприятная картина. Не только потому, что это были чьи-то внутренности, а еще и из-за своей вопиющей неестественности. Виданное ли дело, чтобы живая плоть вот так превращалась из одного во второе? Воображение подкинуло мне картину, как все это должно было

происходить, и я почувствовал легкий приступ тошноты.

– Маша, а оно нормально себя вело? – задал я очень глупый вопрос.

– Что значит «оно себя вело»? Как вообще кусок мертвой ткани может себя вести?

– Ну, знаешь, – немного смутился я, – если что-то вот так запросто меняет внешний вид, то можно всякого ожидать.

Маша рассмеялась.

– Нет, это легкое не ползало по лаборатории и не пыталось меня убить, если ты об этом. Точно так же оно и не пыталось в меня вселиться, не говоря уже про попытки захватить мировое господство. Можешь собой гордиться – ты очень качественно угрохал этого красавца... Кстати, помимо легкого, неполная трансформация замечена мной в мышцах бедра, костях левой стопы и в тканях внутреннего уха твари. А вот, к примеру, селезенка – уже полностью идентична человеческой. И кровь у нашего объекта исследований третьей группы с положительным резусом. Если бы я не знала, из чьего трупа ее брала, то подумала бы, что она человеческая.

– Офонареть, – честно сказал я. – Чем еще удивишь?

– Результатом исследования ДНК, – ответила Маша. – Геном полностью соответствует человеческому мужскому генному белой расы.

Я присвистнул. Маша собрала бумаги с результатами анализов, сложила их в пластиковую папку и протянула ее мне. Прекрасная докторша выглядела чертовски усталой. И я ее

понимал.

Я отложил папку, подошел к Маше, обнял ее. Почувствовал слабый запах дезинфекции, исходящий от ее шапочки. И более сильный – духов, которыми она пользовалась. Мне всегда нравился этот горьковатый запах, кажущийся скорее мужским.

Маша накрыла мои ладони своими. Я прошептал ей на ухо:

– Какие планы на вечер?

– Давай уже, проявляй мужскую волю, – улыбнулась она.

– Предлагаю большую прогулку, какое-нибудь питейное заведение, а потом – идем ко мне...

– И проводим остаток вечера, погрязнув в пороках, – перебила Маша.

– Отчего же? – возразил я. – Можем и Пушкина почитать.

– Терпеть не могу Пушкина, – Маша потерлась головой об мое плечо. – Но в целом ход твоих мыслей мне нравится. Ты, главное, постарайся не заработать себе какие-нибудь нечаянные хлопоты.

– Приложу все усилия, – сказал я, намереваясь поступить именно так.

Вторая линза

Покинув морг, я позвонил Зарембо и честно сказал:

– Степан Иванович, я намерен сегодня пахать, как папа

Карло, но только до конца рабочего времени. После этого можете на меня рассчитывать только в том случае, если начнется конец света.

– Ага, дела сердечные, – проворчал Зарембо. – Ну, это святое. Благо и кроме тебя оперативники есть. Считай, что мы с тобой договорились. Только камешек-то свой принеси! Я уже заждался.

– Сию минуту! – ответил я.

Вернувшаяся из лаборатории черная линза лежала в сейфе, упакованная в прозрачный пластиковый мешок. Я вытащил с нижней полки пару тонких кожаных перчаток, натянул их и только после этого взял в руки линзу. Голыми руками дотронуться до этой штуковины я не мог себя заставить. Хотя прочие доселе известные мне «порождения» Зоны ни на секунду не вызывали подобного отторжения. Более того, уже давно у меня на столе лежало пресс-папье из крупного обработанного «каменного цветка». Когда что-то было не в порядке в эмоциональной сфере, я любовался бликами в гранях этого кристаллического чуда. Это успокаивало и приводило в себя. Говорят, эффект «цветка» может вызвать привыкание. Не знаю. Как по мне, так это не более опасно, чем порция алкоголя время от времени.

Зарембо вытряхнул камень из пакета на стол и некоторое время просто смотрел на него. В его темно-карих глазах горел напряженный огонек – он как будто бы оценивал потенциального противника. Возможно, так оно и было.

– Экий ты у нас красивый, – сказал Степан Иванович. Трудно было не согласиться с ним. Камешек действительно выглядел очень красивым.

– По виду – выточен из гематита, – сказал генерал. – Ты уже носил его на экспертизу?

– Да. Сегодня должен получить результаты химического анализа. Боюсь, как бы новой загадки не выросло. Тут меня уже Маша порадовала, – я вкратце рассказал Зарембо про странности в строении убитой твари из подвала.

Степан Иванович присвистнул.

– Только этого нам для полного счастья и не хватало! Слушай, а оно в человека превращалось или это был человек раньше?

Я пожал плечами. Честно говоря, такая мысль мне в голову не приходила. По крайней мере, пока. Наверное, потому, что это было еще более отвратительно, чем превращение ящерицеобразных в человека. Но принять во внимание как версию ее следовало однозначно – Зона была неисчерпаемым источником сюрпризов.

Зарембо прекратил гипнотизировать камень взглядом и протянул к нему руку. Перехватив мой напряженный взгляд, подмигнул. Дескать, не переживай: знаю, что делаю. Я пожал плечами. Все равно его не переубедишь. В какой-то степени это тоже хваленая цыганская интуиция. А в какой-то – традиционное мушкетерство, которым время от времени блещет даже самый опытный профессионал.

В общем, мне ничего не оставалось, кроме как со вздохом посмотреть, как Зарембо взвесил в руке линзу, потом, беззвучно шевеля губами, переложил в другую. Потом – поднес к лицу и очень осторожно принюхался. Я следил за этим перфомансом, дурея от редкостного зрелища.

Наконец Степан Иванович вернул камень в пакет. Провел пальцем по верхней кромке, прижимая застёжку, и положил артефакт на стол. Помедлил секунду, а затем отодвинул его от себя подальше.

Я ждал вердикта. Зарембо помолчал минуту, а потом устало сказал:

– Странное ощущение. Как будто бы не я к нему присматривался, а он ко мне... Никогда такого не было. Короче, Сергей, ты поаккуратней с этой штукой, она и вправду непостоянная, – последнее слово генерал выделил интонацией голоса.

Больше Зарембо не сказал ничего. И вообще – сказался занятым и отправил меня восвояси. Честно говоря, меня это даже немного напрягло. Но спрашивать напрямую я не решился. Потому что Зарембо, казалось, поймал за хвост какую-то очень изворотливую мыслишку и теперь отчаянно пытался ее не упустить.

Я попрощался и вернулся к себе. И, разумеется, обнаружил на телефоне пропущенный вызов. Судя по всему, сегодняшний день был настроен именно так, чтобы мне приходилось постоянно догонять события.

На сей раз меня искали химики. Я перезвонил. Оказалось,

что у них готовы результаты анализа химического состава линзы. Я спросил, не затруднит ли их принести выписку ко мне, если ситуация не требует моего присутствия.

Присутствия не требовалось, и через пять минут у меня в кабинете нарисовался парнишка-лаборант. Он передал мне бумаги и диск с электронной версией. В последнее время мы все больше склонялись к последнему варианту подачи документации. Тем более, что большинство бумаг, как водится, имело только сиюминутную ценность. И после ознакомления превращалось в макулатуру, которую приходилось скармливать шредерам с последующим сожжением получающейся «лапши». Полностью отказаться от бумаги, правда, не получалось – и в силу нашей общей консервативности, и потому, что с отдельными документами было удобнее работать на бумаге.

Руководство уже несколько месяцев рассматривало идею с закупкой у буржуев специальной краски для временной печати. Но, как водится, подобного рода вопросы быстро не решаются.

Поблагодарив лаборанта, я углубился в чтение документов. Оказалось, что линза действительно каменная – гематитовая, как и предположил Зарембо. Сам по себе материал, конечно, не представляет ничего особенного. Обыкновенный, очень популярный поделочный камень. Но в наших широтах он не встречается, и откуда взялся этот осколок, трудно было даже предположить. Никаких аномалий хими-

ки не нашли.

Я подшил отчет к делу и вернулся к материалам биологической лаборатории. За их рассмотрением меня и застал звонок на мобильный телефон. За трубкой я тянулся с чувством легкой заинтригованности, так как обычно все мои коллеги звонят на служебный номер. А у друзей, в принципе, нет привычки трезвонить посреди рабочего дня. Да и номер был неизвестным. Хотя, кажется, визуально знакомым. Я снял трубку.

– Здравствуйте, Сергей! Это вас Кижеватова Мария Евгеньевна беспокоит.

– Здравствуйте, Мария Евгеньевна! – сказал я. – Чем могу помочь?

– Сергей, я вам не просто так звоню. Я давеча не все вам рассказала, а теперь думаю, что, наверное, сделала неправильно. Вы уж меня извините. Сама не знаю, что на меня нашло!

Я подумал, что это как раз не вопрос. На Марию Евгеньеву нашла традиционная русская неприязнь к ментам и всем подобным сословиям. Вот ведь страна – любое сотрудничество с людьми, находящимися на службе государства, воспринимается как сту качество.

Разумеется, вслух я этого не сказал. Гражданка Кижеватова услышала от меня:

– Ничего страшного. Главное, что вы все-таки решили рассказать. Я вас внимательно слушаю.

Мария Евгеньевна некоторое время мялась, видимо собираясь с мыслями. А потом все-таки заговорила:

– Вы знаете, тут такое дело: после того, как Лену забрали в больницу, осталась одна вещь, которую я у нее раньше не видела. И эта вещь мне показалась очень странной. Я ее спрятала, и такое чувство, что нарочно забыла, куда. А вот вчера, когда возилась с уборкой, нашла снова.

Я готов был биться об заклад, что знаю, какую именно вещь нашла Мария Евгеньевна.

– Простите, вы случайно, не о черной каменной линзе говорите? – спросил я.

– Да, именно о ней. А вы откуда знаете? Или вы уже такую находили?

– Да, подобную вещь я уже встречал. Но при нескольких других обстоятельствах.

– То есть это имеет отношение к тому, что случилось с Леной?

Я несколько секунд подумал, а потом твердо сказал:

– Да, я думаю, что имеет. Только пока что не знаю, какое именно. Я как раз сейчас пытаюсь это выяснить.

– Сергей, простите, а вы не могли бы приехать ко мне и забрать этот предмет. Или давайте я сама привезу его, куда скажете. Потому что, если честно, меня эта линза пугает. Она какая-то неправильная.

Конечно, позволить Марии Евгеньевне приехать к нам, в наш засекреченный офис, я не мог. И потому сказал, что

немедленно выезжаю к ней сам. В принципе эта поездка была очень кстати. Она способна была съесть порядочный кусок моего рабочего времени. Все-таки хоть и увлекательная у меня служба, но и вечер тоже ожидался чрезвычайно приятный.

Мария Евгеньевна встретила меня в дверях квартиры. Выглядела она так, словно я приехал исключительно с целью ее немедленного ареста за сокрытие важной улики. Теоретически к этому и вправду можно было прицепиться. Практически – я не хотел ни неприятностей женщине, ни огромного количества бумажных проблем для себя. Попробуй-ка предъявить обвинение, если твое структурное подразделение практически не существует!

Я улыбнулся максимально искренне, чтобы Кижеватова почувствовала себя спокойнее. Она робко улыбнулась в ответ и пригласила зайти.

– Вы простите, Сергей, что я так поступила. Но знаете, если честно, то у меня осталось очень странное впечатление. Как будто бы я просто забыла про этот камень. Я его в шкаф положила, и все – как отрезало. Только вчера наткнулась на него, когда перекладывала вещи. Как увидела – сразу вспомнила, откуда у меня эта вещь.

– Хорошо, что вы в итоге решили отбросить сомнения и передать нам линзу, – кивнул я, – потому что мы намерены подвергнуть ее всестороннему изучению. А нам до сих пор попалась лишь еще одна такая. Сами понимаете, тут требу-

ются особенная осторожность и самое пристальное внимание.

Мария Евгеньевна отдала мне сверток. Линза была завернута в розовую хлопчатобумажную наволочку.

– Наволочку можете не возвращать, – сказала женщина. – Я все равно теперь не смогу заставить себя положить ее на постель.

– Понимаю. Еще раз спасибо. Как у Лены дела?

Мария Евгеньевна пожала плечами.

– Да по-прежнему никак, если честно. Врачи уже и сами не знают, что им предпринять. Знаете, а их оптимизм существенно поубавился с тех пор, как моя дочь поступила к ним в больницу.

– Не падайте духом, – сказал я, – мы плотно занялись этой проблемой. Работают не только оперативники вроде меня, но и очень серьезная научная лаборатория. Думаю, что рано или поздно мы пойдем, как можно помочь Лене. И заодно – другим людям, которые пострадали от контакта с линзой.

– А вы хоть отдаленно представляете себе, что она есть такое? – спросила Мария Евгеньевна.

– Пока нет. Но судя по всему она – источник воздействия на мозг жертвы. Только непонятно, порождается ли это воздействие самой линзой, либо же оно направлено откуда-то извне. И главный вопрос: можем ли мы снять негативный эффект и как-то исправить ущерб, нанесенный мозгу.

Мария Евгеньевна кивнула. Я взвесил на руке сверток с

камнем и сказал:

– Мне нужно ехать. Как только что-то изменится, как только мы поймем хотя бы что-то о камне, что сможет помочь вашей дочери, – я немедленно позвоню!

Мария Евгеньевна снова кивнула. Было видно, что она не слишком верит этим словам. Не потому, что я работник государственной структуры и мне полагается врать, а оттого что даже у надежды есть некие пределы, за которыми начинается безысходность. Она бы сейчас, пожалуй, и самому Господу Богу не поверила бы...

Линзу я положил на заднее сиденье. И всю дорогу до офиса чувствовал себя так, как будто мне в спину смотрел пристальный недобрый глаз... Ощущение было настолько острым, что я даже не стал ругать себя за паранойю, никак не подобающую профессионалу.

Зато какое облегчение я почувствовал, когда положил линзу на полке в хранилище! Это было сродни внезапному приступу эйфории. Столь отчетливая разница в психологических реакциях заставила меня призадуматься. Кажется линза воздействовала на всех людей. И особого оптимизма этот факт не внушал.

Больше ничего особенного до конца дня не происходило. В половине седьмого я вышел из кабинета. В холле меня уже ждала Маша. Я взял ее под руку, и мы пошли к автомобильной стоянке.

Только рядом с Машей я наконец-то почувствовал себя

спокойнее. Близкий человек – это вообще прекрасное лекарство в большинстве ситуаций.

Сон Зарембо

Утром, появившись на работе в обычное время, выдержав все стандартные процедуры проверки и в очередной раз задумавшись о идее помериться стрелковыми навыками с охранниками внизу, я поднялся в свой кабинет. Сунул ключ в дверь. Он не поворачивался. Я удивился было – замок ставили совсем новый, так что сломаться за здорово живешь он вроде не должен. И тут из-за двери раздалось:

– Открыто!

Скажем так: это было весьма необычно. Тем более, что голос из кабинета, вне всякого сомнения, принадлежал Степану Ивановичу.

Зарембо восседал за моим столом, держа в руках карманный компьютер. Наверное читал что-нибудь. Когда я зашел, он поднялся и пошел мне навстречу, одновременно пряча устройство в боковой карман пиджака.

– Прости, я тут нагло оккупировал твое рабочее место. Оно самое удобное.

– Да ничего... А что случилось, Степан Иванович? – спросил я.

Зарембо помолчал несколько секунд, а потом попросил чаю. Я приготовил нам по кружке. Генерал отпил из своей и

неторопливо, с паузами и передышками, повел рассказ.

– Я с самого начала понял, что камешек отнюдь не простой. Как только взял его в руку. Не знаю, обращал ли ты внимание на это, но он очень холодный. Причем всегда. За то время, пока я держал его в руке, он, такое чувство, только сильнее остыл. Хотя, если бы все ограничилось только холодом – это не стоило бы того, чтобы зваться проблемой...

Я держал камень в руке, и мне казалось, что мы обоюдно присматриваемся друг к другу. Причем, если я просто хотел понять, с чем именно имею дело, то камень был чем-то очень мудрым и всезнающим. Настолько, что ему даже не надо было меня изучать. Он просто смотрел и ждал, что будет дальше.

И вот мне захотелось просто-напросто взять, да и зашвырнуть эту дрянь куда-нибудь подальше. Или взять молоток и расколотить каменичку вдребезги. Я почувствовал это – и тут же попытался чувство это спрятать. Но не знаю, насколько у меня получилось. То, что ты чувствуешь внутри себя – это куда серьезнее, чем выражение лица. И скрыть это на несколько порядков трудней.

В общем, камень меня удивил, и это случилось впервые за несколько последних месяцев. Зона в последнее время стала повторяться, начала быть предсказуемой. И тут – настоящий сюрприз, без дураков!

Ты ушел, забрал камень, а я отменил все дела на оставшуюся часть дня, закурил трубку – и начал думать. Я пы-

тался хоть немного приблизиться к пониманию того, чем же этот камень является на самом деле. То ли это порождение какой-то пока не известной нам аномалии, то ли вполне самостоятельное существо? Я, если честно, даже позволил себе усомниться в том, что он на самом деле из Зоны. Ну, то есть найти-то его там могли. Но это ведь еще ничего не значит! Сколько у нас есть гипотез относительно того, что на самом деле произошло в Чернобыле? И какой процент версий говорит о некоем внешнем воздействии? Инопланетяне, пришельцы из параллельных миров, какие-то временные и пространственные сдвиги... Понятное дело, что в подавляющем большинстве все эти версии – просто чепуха. Но кто может сказать это наверняка? Да, мы сумели опровергнуть примерно два десятка наиболее одиозных вымыслов. И это пока все. Прочие варианты и идеи проверяются, просчитываются, изучаются...

В общем, я не удивился бы, окажись эта каменюка чем-то, имеющим вообще не местное происхождение.

– Кстати, Степан Иванович, – заметил я, – она ведь не единственная. Есть основания утверждать, что все девушки, пострадавшие в историях с неврозом, так или иначе вступали в контакт с камнем. И еще один момент, о котором я пока не успел доложить. Вчера Мария Евгеньевна Кижеватова передала мне еще один образец камня.

Зарембо довольно кивнул.

– Это просто замечательно, Сережа! Давай-ка напруги на-

ших ученых по полной программе. Пусть они этот камень, если понадобится, на молекулы разложат. Но чтобы узнали про него все, на что хватит возможностей нашего оборудования. И не только нашего. Я думаю, что мы сможем подключить ряд внешних лабораторий.

Я кивнул. Да, такое тоже практиковалось. Под всякими благовидными предлогами, не называясь и не представляясь, наше управление то и дело пользовалось мозгами и ресурсами множества закрытых и открытых НИИ по всей территории России. Это случалось тогда, когда своих сил не хватало. То есть не так уж и редко. Конечно, у нас очень мощная научная лаборатория, но невозможно на базе одного небольшого здания собрать всю технику и всех специалистов, которые могут понадобиться. Опираясь на эту мысль, Зарембо то и дело намекал шефу ФСБ, что неплохо было бы прекратить конспирацию и вывести Особую Группу на полностью легальный уровень. Но тот всякий раз отказывал, руководствуясь все теми же мотивами безопасности, свободы действия и нежелания участвовать в закулисных игрищах политической верхушки. В общем-то это было верной позицией, хотя и вынуждало нас маскироваться, врать и вылезать на люди под чужим лицом.

Степан Иванович между тем продолжал:

– Думал я долго. Но так ни до чего и не додумался. И вообще начал чувствовать себя очень странно. Как будто бы что-то не давало мне как следует шевелить мозгами. Ощущения

были, я тебе доложу, очень гадостные. Я даже не удержался от того, чтобы выпить прямо на рабочем месте. Вылакал почти стакан коньяка, и, кажется, стало легче. Или, по крайней мере, показалось, что полегчало.

Наконец я поехал домой. И там тоже чувствовал себя, как кипятком обваренный. Спать завалился, чтоб тебе не со- врать, около десяти вечера. И вот тут-то самое интересное и началось...

Зарембо смолк, призадумался. Достал сигареты, прику- рил, выпуская дым через нос. Запил первую затяжку чаем. Потом пристально глянул мне в глаза и осторожно продол- жил:

– Я сразу предупреждаю, Сережа: не принимай мои даль- нейшие слова близко к сердцу. Помни, что я всего лишь рас- сказываю тебе свой сон. Наверное я бы и не стал ничего го- ворить, но сон этот был таким, что не поделиться не могу.

Так вот, я лег в постель и около часа ворочался, потому что не мог заснуть. Подумал – может, жене в санаторий по- звонить? Хороший разговор на сон грядущий – что еще надо старому цыгану? Но пока думал – сам не заметил, как заснул. И очень странно заснул, скажу я тебе! Как будто бы кровать исчезла и осталась только простыня, под которой пустота. И вот в эту пустоту я и грохнулся. Дух захватило, я чуть не за- орал. Потому что успел представить, что от меня останется, если я с высоты наземь брякнусь. Но высота, как оказалось, была совсем никакой. Метра два.

Шмякнулся я на что-то мягкое. Покатился, в простыне запутался... Наконец смог остановиться и выпутаться. Смотрю – а вокруг прямо как в сказке – чистое поле. Точнее, что-то вроде большого луга – до самого горизонта. И на горизонте – лес, до которого так далеко, что он кажется просто неровной линией.

Я лежал в высокой траве. Судя по всему, была та же пора года, что и сейчас. Но трава была не скошена. То бишь – места совсем дикие.

Я встал, посмотрел на себя. Оказалось, что одет в свою обыкновенную повседневную одежду – джинсы, рубашка, кроссовки. Все знакомое, все любимое. Я мог запросто вспомнить, где именно я купил каждый из предметов своего гардероба и какие именно воспоминания у меня на них росли, пока я ими пользовался.

Короче, я торчал посреди огромного луга и просто не представлял, что делать дальше. Наконец решил – надо идти к лесу. Он хоть и далеко, но хоть какое-то разнообразие.

Я пошел, и тут оказалось, что с пространством в этом сне что-то не так. Каждый шаг переносил меня на добрых пару сотен метров. Так что дорога до леса заняла не так уж и много времени. А когда я добрался до опушки, все снова стало обыкновенным. И я уже нормальными шагами пошел дальше. Я ведь теперь четко понимал, что в лес надо идти обязательно, если в самом деле хочу что-то понять.

Лес оказался обыкновенным – большей частью сосновым,

с подростком. Брусника по земле стелилась коврами. И странное дело – ягоды уже были красными, как осенью. Даже захотелось сорвать и попробовать. Но изнутри какой-то голосок подсказывал, что в этом лесу вообще ничего нельзя есть и пить.

Тогда я пошел с опушки в глубину. Я понимал, что вижу сон. Но сон этот был словно наяву! Представляешь, я чувствовал не только, как пружинит мох под ногами, но еще и запахи – хвои, травы, смолы. Обычные лесные запахи, ничего странного.

Странной в этом лесу была тишина. Плотная, ватная, такая же, какая бывает, когда зимой, в безветренную погоду, идет сильный снег. Тогда любой звук глохнет, как бы гасится. Именно это и происходило. Даже мои шаги по мху и брусничнику звучали как через несколько слоев плотной мягкой ткани. Не говоря уже о том, что не было птиц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.